

Дин Кунц практически монополизировал жанр.
Он великолепно умеет завораживать читателя и держать его в напряжении.

Richmond Times-Dispatch

ДИН КУНЦ

МОЛНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

The Big Book. Дин Кунц

Дин Кунц

Молния

«Азбука-Аттикус»

1988

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кунц Д. Р.

Молния / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус», 1988 — (The Big Book. Дин Кунц)

ISBN 978-5-389-18738-2

Когда родилась Лора Шейн, на Денвер из района Скалистых гор пришла жуткая буря. Били молнии, и это в январе, в самый разгар зимы. Такой природной аномалии люди еще не знали. И Лора не родилась бы, если бы таинственным образом в клинику не явился голубоглазый блондин, предотвративший ошибку доктора. Кто он? Ее ангел-хранитель? Откуда он? Из будущего? Из прошлого? И почему она, самая обыкновенная девочка, стала объектом столь пристального внимания и средоточием опасных и странных игр, происходящих вокруг нее?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18738-2

© Кунц Д. Р., 1988
© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дин Кунц Молния

Dean Koontz

LIGHTNING

Copyright © 1988 by Nkui, Inc.

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой

Оформление обложки Ильи Кучмы

thebigbook.

ДИН
КУНЦ

Серия «The Big Book. Дин Кунц»

© О. Э. Александрова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Грегу и Джоан Бенфорд.

Иногда мне кажется, что вы самые интересные люди из всех, кого я когда-либо знал. И тогда я принимаю две таблетки аспирина и ложусь отдохнуть. Но эта мысль меня не отпускает.

*Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.*

Лукреций

Я не боюсь умереть. Я просто не хочу там оказаться, когда это случится.

Вуди Аллен

«Американские горки»:

1) небольшая гравитационная железная дорога... с крутыми спусками, обеспечивающими головокружительное падение вниз любителям острых ощущений.

Словарь издательства «Рэндом хаус»

Часть первая

Лора

*Сильная любовь кого-то придает сил, а сильная любовь к кому-то
придает смелости.*

Лао-цзы

Глава 1

Свеча на ветру

1

В ту ночь, когда родилась Лора Шейн, разразилась снежная буря, причем погодные явления казались настолько непривычными, что люди потом еще много лет их вспоминали.

Среда, 12 января 1955 года выдалась холодной, серой и мрачной. В сумерках набрякшие небеса разродились крупными пушистыми хлопьями снега, и жители Денвера замерли в ожидании метели со стороны Скалистых гор. К десяти вечера с запада подул пронизывающий ветер, завывавший вдоль горных перевалов и со свистом скатывавшийся вниз по изрезанным лесистым склонам. Снежинки, уменьшившиеся до размера песчинок, царапали окно заставленного книгами кабинета доктора Пола Марквелла.

Развалившись в кресле за письменным столом, Марквелл прихлебывал для согрева «Чивас Ригал». Правда, мерз Марквелл отнюдь не из-за этих предвестников зимы. Нет, то был вечный холод, сковавший душу и мозг.

С тех пор как четыре года назад Ленни, единственный сын Марквелла, умер от полиомиелита, Марквелл все чаще искал забвения на дне стакана. И сейчас, несмотря на неотложный вызов из окружной больницы, Марквелл взял бутылку и плеснул себе еще скотча.

В просвещенном 1955 году детей начали прививать вакциной доктора Джонаса Солка, и уже был недалек тот день, когда ни один ребенок не умрет или не будет парализован в результате полиомиелита. Однако Ленни заболел в 1951 году, за год до того, как Солк испытал свою вакцину. У мальчика парализовало дыхательные мышцы, к тому же болезнь осложнилась очаговой пневмонией. Короче, у Ленни не было ни единого шанса.

Тишину зимней ночи разрезал рокот, эхом прокатившийся со стороны западной гряды гор. Но Марквелл не обратил на это внимания. Он настолько погрузился в бездну своей черной, как желчь, печали, что иногда практически не замечал происходящего вокруг.

На столе стояла фотография Ленни. Даже четыре года спустя Марквелла мучило улыбающееся лицо сынишки. Конечно, фотографию следовало убрать с глаз долой, но он оставил ее на виду, поскольку непрестанное самобичевание стало его способом искупления вины.

Коллеги Пола Марквелла не знали, что у него проблемы с алкоголем, поскольку он никогда не выглядел пьяным. А промахи, которые он совершал при лечении некоторых пациентов, списывались на трудности, возникшие по естественным причинам, но отнюдь не вследствие преступной халатности. Но сам Марквелл знал, что облажался, и ненависть к себе заставляла его пить еще больше.

Рокот послышался снова. На сей раз Марквелл понял, что это грохочет гром, но по-прежнему не слишком удивился.

Зазвонил телефон. Скотч вызывал оцепенение и замедлял реакцию, Марквелл снял трубку лишь после третьего звонка:

– Алло?

– Доктор Марквелл? Это Генри Яматта. – Яматта, интерн окружной больницы, явно нервничал. – Дженет Шейн, вашу пациентку, только что привез муж. Она рождает. На самом деле Шейны задержались из-за непогоды, а когда приехали сюда, родовая деятельность усилилась.

Слушая интерна, Марквелл глотнул еще виски. После чего, обрадовавшись, что язык пока не заплетается, спросил:

– Роды все еще на первой стадии?

– Да. Но у нее крайне болезненные потуги. И слишком продолжительные для начала родов. А также следы крови в вагинальных выделениях...

– Что ж, вполне обычное дело.

На что Яматта нетерпеливо ответил:

– Нет, это вовсе не обычные кровянистые выделения.

Кровянистые выделения или следы крови в вагинальных выделениях являлись верным признаком приближающихся родов. Однако Яматта сказал, что у миссис Шейн уже начались потуги. Таким образом, Марквелл опять ошибся, предположив, что интерн докладывает о нормальных симптомах скорых родов.

– Это еще не кровотечение, но что-то явно не так, – сказал Яматта. – Вялое сокращение матки, узкий таз, соматические заболевания...

– Если бы у нее были физиологические нарушения, способные осложнить беременность, то я бы их обнаружил, – отрезал Марквелл, понимая, что наверняка мог ничего и не обнаружить, если был пьян. – Сегодня дежурит доктор Карлсон. Если что-то пойдет не так, прежде чем я до вас доберусь, он...

– Нам только что привезли четверых пострадавших во время дорожной аварии, двое в тяжелом состоянии. Карлсону и так не продохнуть. Доктор Марквелл, вы нам нужны.

– Уже еду. Двадцать минут.

Марквелл повесил трубку, допил скотч и достал из кармана мятную пастилку. Начав регулярно закладывать за воротник, доктор всегда носил с собой мятные конфетки. Он развернул пастилку, сунул ее в рот, после чего покинул кабинет и прошел по коридору к шкафу в прихожей.

Доктор был пьян, и он собирался принимать роды, и, возможно, в очередной раз облажается, что поставит точку в карьере, разрушит репутацию, но сейчас его это мало заботило. На самом деле он с каким-то извращенным наслаждением даже предвкушал катастрофу.

Он уже натягивал пальто, когда тишину ночи разорвал удар грома, от которого задрожали стены.

Марквелл нахмурился и посмотрел в окно возле входной двери. Мелкий сухой снег кружился за оконным стеклом, зависая на секунду в воздухе, когда ветер задерживал дыхание, и опять продолжая вращение. За долгие годы Марквеллу уже доводилось слышать раскаты грома во время снежной бури, правда всегда отдаленные, едва различимые и отнюдь не такие грозные, как сейчас.

Сверкнула молния, потом снова. Падающий снег причудливо мерцал в неверном свете, и окно на секунду превратилось в зеркало, в котором Марквелл увидел свое искаженное страхом лицо. Следующий удар грома оказался еще громче.

Доктор открыл дверь и с любопытством взгляделся в бушующую ночь. Порывистый ветер намел сугробы под навес крыльца и к фасаду дома. Лужайка скрылась под покровом свежее-павшего снега толщиной два-три дюйма, снежные хлопья повисли на ветвях сосен с наветренной стороны.

Сверкнула молния, на мгновение ослепив Марквелла. Раскат грома был настолько оглушительным, что казалось, будто он идет не только с небес, но и откуда-то из-под земли, словно разверзлись небеса и раскололась земная твердь, возвещая об Армагеддоне. Две наложившиеся друг на друга длинные сверкающие стрелы пронзили темноту. Вокруг прыгали, извивались и корчились призрачные силуэты. Каждая вспышка небесного огня настолько причудливо искажала тени от перил и стоек крыльца, деревьев, обнаженных кустов и уличных фонарей, что привычный мир Марквелла стал похож на сюрреалистическое полотно: в этом неземном сиянии очертания и формы обычных предметов пугающе изменились.

Дезориентированный ослепительным небом, громом, ветром и завывающей белой мглой, Марквелл впервые за весь вечер внезапно почувствовал себя по-настоящему пьяным. И даже

засомневался, действительно ли он стал свидетелем аномального электрического явления, или все это было лишь плодом алкогольной галлюцинации. Осторожно спустившись по скользким ступенькам на площадку перед крыльцом, откуда начиналась заснеженная подъездная дорожка, он прислонился к столбу и, задрав голову, уставился на расколотые сверкающим лучом небеса.

Лужайка перед домом и улица, казалось, периодически подпрыгивали от разрядов молний, словно кадры из художественного фильма, который крутят через заклинивший кинопроектор. Все краски ночи будто выгорели, остались лишь слепящий белый свет молний, непроглядность беззвездного неба, мерцающая белизна снега и чернильная чернота дрожащих теней.

Пока доктор в священном ужасе созерцал это странное божественное шоу, очередная зигзагообразная трещина расколола небеса. Направленное к земле раскаленное острие вонзилось в железный уличный фонарь всего в шестидесяти футах от Марквелла, и он завопил от ужаса. И в этот момент ночь накалилась добела и фонарное стекло взорвалось. Послышался очередной раскат грома, отчего у Марквелла застучали зубы, а под ногами затрещали доски крыльца. В воздухе вдруг запахло озоном и раскаленным металлом.

А затем снова стало тихо и темно.

Марквелл проглотил мятную пастилку.

В дверях домов вдоль улицы появились удивленные соседи. Хотя, вероятно, они стояли там в течение всего светопреставления, и, возможно, доктор заметил их, только когда метель снова приняла обычный характер. Кое-кто даже рискнул пробраться по снегу посмотреть на поврежденный уличный фонарь, металлический колпак которого наполовину расплавился. Люди окликали друг друга, они что-то кричали и Марквеллу, но он не ответил.

Пугающая демонстрация сил природы не протрезвила доктора. Опасаясь, что соседи заметят, что он под градусом, Марквелл вернулся в дом.

Ну а кроме того, у него не было времени болтать о погоде. Ему нужно было позаботиться о роженице, у которой предстояло принять младенца. Отчаянно пытаясь собраться, доктор достал из стенного шкафа шерстяной шарф, обмотал его вокруг шеи, завязал концы на груди. У Марквелла тряслись руки, пальцы одеревенели, однако он умудрился застегнуть пальто. Затем, преодолевая головокружение, натянул галоши.

У доктора в душе вдруг зародилась странная уверенность, что эта аномальная молния – некое послание лично для него, Марквелла. Предзнаменование или знак. Чепуха! Просто виски ударил в голову. И все же это чувство не оставляло доктора, когда он вошел в гараж, поднял ворота и вывел автомобиль на подъездную дорожку. Зимние шины с надетыми на них цепями тихонько позвякивали и поскрипывали на снегу.

Доктор остановил автомобиль, собираясь выйти и закрыть гаражные ворота, но тут кто-то постучал в окно рядом с местом водителя. Марквелл удивленно повернул голову и увидел какого-то мужчину, который, склонившись, глядел в него через стекло.

На вид незнакомцу было лет тридцать пять. Энергичное, хорошо вылепленное лицо. И даже сквозь запотевшее стекло доктор не мог не заметить, что перед ним крайне необычный человек. На мужчине был морской бушлат с поднятым от холода воротником. От мороза из ноздрей у него шел пар, а когда он говорил, слова вылетали бледными легкими облачками.

– Доктор Марквелл?

Доктор опустил окно:

– Да?

– Доктор Пол Марквелл?

– Да-да. Разве я не ясно выразился? Но сегодня вечером у меня нет приемных часов. И вообще, я сейчас еду в больницу к пациенту.

У незнакомца были невероятно голубые глаза, наводившие на мысль о ясном зимнем небе, отражающемся в тонком льду только что замерзшего пруда. Эти прекрасные глаза приковывали к себе, но, как сразу понял Марквелл, то были глаза крайне опасного человека.

И прежде чем Марквелл успел нажать на газ и дать задний ход, чтобы выехать на улицу, где можно было бы позвать на помощь, мужчина в бушлате просунул в открытое окно ствол пистолета:

– Только без глупостей.

И когда ствол вдавился в мягкую плоть под подбородком доктора, тот с некоторым удивлением понял, что не хочет умирать. Он уже давно вынашивал мысль о том, что готов отдаться холодным объятиям смерти. И вот сейчас, вместо того чтобы радоваться внезапно возникшему желанию жить, он почувствовал себя виноватым. Ведь принять жизнь – значит предать своего сына, с которым их могла соединить одна только смерть.

– Доктор, выключите фары. А теперь заглушите мотор.

Марквелл вынул ключ из замка зажигания:

– Кто вы такой?

– Не имеет значения.

– Но не для меня. Что вам нужно? Что вы собираетесь со мной сделать?

– Если будете сотрудничать, то не пострадаете. Но если попытаетесь улизнуть, я вышибу вам мозги, а затем разряжу, к чертовой матери, остаток магазина в ваше мертвое тело. – Голос незнакомца был мягким, неожиданно приятным, но твердым. – Отдайте мне ключи. – (Марквелл протянул в окно ключи от машины.) – А теперь выходите.

Мало-помалу трезвея, Марквелл вылез из машины. Сильный ветер злобно кусал лицо. Доктор щурился от залеплявшего глаза мелкого снега.

– Прежде чем закрыть дверь, поднимите стекло. – Мужчина навис над доктором, блокируя пути к отступлению. – Ладно, очень хорошо. А теперь, доктор, идите со мной к гаражу.

– Это безумие какое-то. Что...

– Пошевеливайтесь!

Незнакомец, не отходя от Марквелла, взял его за левую руку. Если кто-нибудь сейчас и наблюдал за ними с улицы или из окна соседнего дома, то в любом случае не разглядел бы пистолета в кромешной тьме, через плотную завесу снега.

Оказавшись в гараже, Марквелл по знаку незнакомца опустил ворота. Протяжно заскрипели несмазанные замерзшие петли.

– Если вам нужны деньги...

– Заткнитесь и ступайте в дом!

– Послушайте, у меня пациентка рожает в окружной...

– Если вы сейчас же не заткнетесь, я вам все зубы пересчитаю рукояткой вот этого пистолета, и тогда вы просто не сможете говорить.

Марквелл сразу поверил. Шесть футов ростом, весом примерно сто восемьдесят фунтов, незнакомец был примерно тех же габаритов, что и Марквелл, но выглядел устрашающе. Белокурые волосы мужчины смерзлись отдельными прядями. Капли тающего снега струились по лбу и вискам, что придавало незнакомцу сходство с бездушной ледяной статуей во время зимнего карнавала. У Марквелла не было и тени сомнения, что в рукопашном бою этот человек в бушлате легко победит всех противников, и уж тем более пьяного врача средних лет, находящегося не в лучшей форме.

Боб Шейн задышался в комнате отдыха родильного отделения, с низким потолком, обшитым звукоизолирующими панелями, с тускло-зелеными стенами и единственным заиндевевшим окном. В этой предоставленной будущим отцам комнате стояла адская жара, к тому же шесть кресел и два приставных столика загромождали тесное пространство. Бобу очень хоте-

лось выбежать через двустворчатую дверь в коридор, а затем – в другой конец больницы, через комнату ожидания для посетителей к главному входу и оттуда прямо на улицу, в холодную ночь, где не воняло антисептиками и болезнями.

И все же Боб оставался в этой комнате отдыха, чтобы на всякий случай быть рядом с Джейн. Что-то явно пошло не так. Они ожидали, что роды будут трудными, но все же не столь болезненными, с продолжительными потугами, вконец измотавшими Дженет. Доктора не признавались в возникновении осложнений, однако не могли скрыть озабоченности.

Боб знал причину своей клаустрофобии. В сущности, он не боялся, что на него могут надвигаться стены. Что его действительно пугало, так это надвигающаяся смерть – возможно, жены или неродившегося ребенка, а возможно, обоих.

Двустворчатая дверь распахнулась, и в комнату вошел доктор Яматта.

Вставая с кресла, Боб врезался в приставной столик, разбросав полдюжины журналов по полу:

– Ну как она, док?

– Не хуже. – Яматта был невысоким худощавым мужчиной с большими грустными глазами. – Доктор Марквелл скоро будет здесь.

– Но вы же не отложите необходимые процедуры до его приезда, так?

– Нет-нет, конечно же нет. Она получает хороший уход. Я просто подумал, что вам сразу станет легче, когда вы узнаете, что ваш доктор уже в пути.

– О... Ну да, конечно... спасибо. Послушайте, док, а можно мне ее увидеть?

– Не сейчас, – ответил Яматта.

– А когда?

– Когда ей... станет немного легче.

– И это, по-вашему, ответ? Когда ей станет немного легче! Когда, черт возьми, все это закончится?! – Боб тотчас же устыдился своей вспышки ярости. – Прошу прощения... прошу прощения, док. Дело в том, что... мне страшно.

– Я знаю, знаю.

В гараже Марквелла имелась дверь, через которую можно было попасть в дом. Они прошли через кухню по коридору первого этажа, по дороге включая свет.

Незнакомец заглянул в столовую, гостиную, кабинет, смотровую, приемную для пациентов, после чего сказал:

– Наверх!

В хозяйской спальне он схватил одну из настольных ламп, затем отодвинул от туалетного столика кресло для рукоделия с прямой спинкой, поставив его в центр комнаты.

– Доктор, будьте добры, снимите перчатки, пальто и шарф.

Марквелл повиновался, уронив одежду на пол, затем по знаку человека с пистолетом сел в кресло.

Мужчина положил пистолет на туалетный столик и достал из кармана моток прочной веревки. Вытащил из-под бушлата короткий нож с широким лезвием, очевидно висевший в ножнах на поясе. После чего разрезал веревки на куски, явно собираясь привязать ими Марквелла к креслу.

Доктор устался на лежавший на туалетном столике пистолет, просчитывая в уме шансы добраться до оружия раньше незнакомца. Но, встретив взгляд по-зимнему холодных голубых глаз, доктор понял, что для того все его мысли не более чем детские хитрости, которые ничего не стоит разгадать взрослому.

Блондин улыбнулся, словно желая сказать: «Только попробуй!»

Полу Марквеллу очень хотелось жить. Он покорно позволил привязать себя за руки и за ноги к креслу для рукоделия.

Незнакомец затягивал узлы туго, но не причиняя пленнику боли, словно проявляя о нем странную заботу.

– Я не хочу затыкать вам рот кляпом. Вы пьяны, а с тряпкой во рту можете захлебнуться рвотными массами. Поэтому придется вам поверить. Но если вдруг начнете звать на помощь, убью на месте. Понятно?

Когда он произнес длинную фразу, Марквелл уловил неявный акцент, но такой слабый, что невозможно было определить его природу. Мужчина проглатывал окончания некоторых слов, иногда в его речи проскальзывали едва заметные гортанные звуки.

Он присел на кровать и положил руку на телефонный аппарат:

– Какой номер телефона окружной больницы?

– А вам зачем? – растерянно заморгал Марквелл.

– Проклятье, я попросил вас назвать номер! Если вы откажетесь говорить, то я не стану заглядывать в справочник, а просто вышибу из вас чертов номер!

Смирившись, Марквелл назвал номер телефона больницы.

– Кто дежурит сегодня вечером?

– Доктор Карлсон. Херб Карлсон.

– А он хороший человек?

– Что вы имеете в виду?

– Как врач, он лучше вас или такая же пьянь?

– Я вовсе не пьянь. У меня были...

– Вы безответственный алкаш, упивающийся жалостью к себе. Что вы не хуже меня знаете. Отвечайте на мой вопрос, доктор. На Карлсона можно положиться?

Марквелла внезапно затошнило, причем не только от переизбытка скотча. Нет, он вдруг почувствовал острое отвращение к себе, так как все это было чистой правдой.

– Да, Херб Карлсон – хороший врач. Очень хороший.

– Кто из медсестер дежурит сегодня вечером?

Марквеллу пришлось секунду подумать над ответом.

– Полагаю, Элла Ханлоу. Но я не уверен. Если не Элла, тогда Вирджиния Кин.

Незнакомец позвонил в окружную больницу, объяснив, что говорит от имени доктора Пола Марквелла, и попросил позвать к телефону Эллу Ханлоу.

Неистовый порыв ветра сотряс дом, засвистел в скатах крыши, заставил дребезжать стекла в разошедшихся рамах, напомнив Марквеллу о непогоде. Глядя на снегопад за окном, он вдруг почувствовал себя полностью дезориентированным. Ночь выдалась настолько богатой на события – молния, загадочный блондин, – что все это вдруг показалось доктору нереальным. Он потянул за веревки, которыми был привязан к креслу, в полной уверенности, что они лишь фрагмент алкогольного забытья и сразу распадутся, точно паутина, но веревки крепко держали его, а сделанное усилие лишь привело к новому приступу головокружения.

Между тем мужчина уже разговаривал с медсестрой:

– Сестра Ханлоу? Доктор Марквелл сегодня вечером не сможет приехать в больницу. У одной из его пациенток, Дженет Шейн, которая сейчас здесь, тяжелые роды. Мм? Да, конечно. Он хочет, чтобы роды принял доктор Карлсон. Нет-нет, боюсь, он не сможет. Нет, дело не в погоде. Он выпил лишнего. Все верно. И будет представлять опасность для пациентки. Нет... Он настолько пьян, что не имеет смысла звать его к телефону. Простите. В последнее время он много пьет, пытается это скрыть, но сегодня вечером он пьянее обычного. Мм? Я сосед. Хорошо. Благодарю вас, сестра Ханлоу. До свидания.

Марквелл разозлился, но в то же время испытал странное облегчение, что его секрет наконец-то раскрыт.

– Ты, ублюдок! Ты меня погубил.

– Нет, доктор. Вы сами себя погубили. Ваша ненависть к себе разрушает карьеру врача. Из-за этого от вас ушла жена. Ну да, ваш брак не был безоблачным, но его можно было бы спасти, если бы Ленни остался жив. Ваш брак можно было бы спасти даже после смерти сына, если бы вы целиком и полностью не ушли в себя.

Марквелл был потрясен.

– Откуда, черт побери, вам известно о моих отношениях с Анной?! И как вы узнали о Ленни? Мы раньше никогда не встречались. Откуда у вас информация обо мне?

Не обращая внимания на вопросы, незнакомец положил две подушки к мягкому изголовью кровати. И, закинув ноги в грязных мокрых ботинках на покрывало, растянулся на постели:

– Что бы вы там ни думали, вы не виноваты в смерти сына. Вы ведь обыкновенный врач, а не волшебник. Но вот Анну вы потеряли исключительно по собственной вине. И в том, что вы стали реальной угрозой для пациентов, также исключительно ваша вина.

Марквелл хотел было возразить, но лишь вздохнул и уныло повесил голову, упершись подбородком в грудь.

– А знаете, в чем ваша беда, доктор?

– Полагаю, вы мне скажете.

– Ваша беда в том, что вам никогда не приходилось ни за что бороться, вы никогда не сражались с настоящим противником. Ваш отец был преуспевающим человеком, поэтому вы получали все, что хотели, учились в лучших школах. У вас вполне успешная практика, да и вообще вы никогда не нуждались в деньгах, так как получили хорошее наследство. И вот, когда Ленни заболел полиомиелитом, вы не знали, как ответить на этот вызов судьбы, так как не имели опыта борьбы. Вам не сделали прививки, поэтому у вас не было иммунитета, и вы заработали тяжелую форму отчаяния.

Марквелл поднял голову и заморгал, чтобы лучше видеть:

– Не понимаю, о чем вы.

– Доктор, хотя все это чрезвычайно болезненно, вы сейчас кое-что поняли. И если сумеете воздерживаться от алкоголя достаточно долго, чтобы навести порядок в голове, то, возможно, вам удастся вернуться на путь истинный. У вас еще остается крохотный шанс исправиться.

– А что, если я не желаю исправляться?

– К сожалению, и такое возможно. Думаю, вы боитесь смерти, но сомневаюсь, хватит ли у вас мужества жить дальше.

Дыхание Марквелла отдавало алкогольным перегаром, смешанным с мятой. Во рту пересохло, язык распух. Доктор отчаянно нуждался в выпивке.

Он нерешительно попробовал веревки, которыми его руки были привязаны к креслу. После чего, презирая себя за ноющие нотки в голосе, но не в силах сохранять достоинство, он сказал:

– Чего вы от меня хотите?

– Я хочу помешать вам сегодня вечером отправиться в больницу. Я хочу быть абсолютно уверен, что вы не станете принимать роды у Дженет Шейн. Вы стали мясником, потенциальным убийцей, и на сей раз вас необходимо остановить.

Марквелл облизал пересохшие губы:

– Но я по-прежнему не знаю, кто вы такой.

– И никогда не узнаете, доктор. Никогда.

Бобу Шейну еще никогда не было так страшно. Он сдерживал слезы исключительно из суеверного чувства, что открыто демонстрировать страх – значит искушать судьбу и, следовательно, погубить Дженет с младенцем.

Наклонившись вперед в кресле, Боб опустил голову и начал молча молиться: Господи, ведь Дженет могла выбрать кого-нибудь получше меня. Она такая хорошенькая, а я невзрачный, как траченный молью ковер. Я самый обыкновенный бакалейщик, и мой магазинчик на углу никогда не принесет нам больших доходов, но жена меня любит. Господи, она добрая, честная, скромная... Она не заслуживает смерти. Может, Ты хочешь забрать ее, потому что она такая хорошая и ей самое место в раю. Но я не такой хороший, и она нужна мне, чтобы помочь стать лучше.

Дверь в комнату отдыха распахнулась.

Боб поднял голову.

Доктора Карлсон и Яматта, оба в зеленой больничной униформе, вошли в комнату.

Их появление напугало Боба, и он медленно поднялся с кресла.

Глаза Яматты казались еще более грустными, чем обычно.

Доктор Карлсон, высокий и дородный мужчина, умудрялся выглядеть представительно даже в мешковатой больничной униформе.

– Мистер Шейн... мне очень жаль. Мне очень жаль, но ваша жена умерла во время родов. – (Боб оцепенел, словно от этой ужасной новости превратился в соляной столб, и не слышал и половины того, что говорил ему Карлсон.) – ...полная маточная непроходимость... одна из тех женщин, которые на самом деле не созданы для того, чтобы стать матерью. Беременность была ей противопоказана. Мне очень жаль... так жаль... все, что было в наших силах... обширное кровотечение... но ребенок...

Слово «ребенок» вывело Боба из оцепенения. На нетвердых ногах он шагнул к Карлсону:

– Что вы сказали насчет ребенка?

– Это девочка. Совершенно здоровая малышка.

А ведь Боб уж было решил, что все кончено. Теперь он уставился на Карлсона, лелея огонек надежды на то, что часть Дженет не умерла и он, в конце концов, не одинок в этом мире.

– Неужели? Девочка?

– Да, – ответил Карлсон. – Исключительно красивый младенец. Родилась уже с волосами. Темно-каштановыми.

Боб посмотрел на Яматту:

– Мой ребенок выжил.

– Да. – Яматта сдержанно улыбнулся горькой улыбкой. – И вы должны благодарить доктора Карлсона. Боюсь, у миссис Шейн не было шансов. В менее опытных руках ребенок, вероятно, не выжил бы.

Боб повернулся к Карлсону, все еще не веря своим ушам:

– Младенец выжил, и я хотя бы за это должен быть благодарен. Так?

Доктора застыли в неловком молчании. Яматта положил руку на плечо Боба Шейна, возможно почувствовав, что этот дружеский жест может его успокоить. И хотя Боб был на пять дюймов выше и на сорок фунтов тяжелее миниатюрного доктора, он прислонился к его груди. И зарыдал, не в силах справиться с горем в сочувственных объятиях доктора.

Незнакомец оставался с Марквеллом еще час, но больше ничего не говорил и не отвечал на вопросы. Он лежал на кровати, глядя в потолок, настолько погруженный в свои мысли, что почти не двигался.

По мере того как доктор трезвел, его все больше мучила пульсирующая головная боль. И, как всегда, жалость к себе, заставлявшая его пить горькую, от похмелья сразу усилилась.

Наконец незванный гость посмотрел на наручные часы:

– Половина двенадцатого. Все, я ухожу.

Он встал с постели, подошел к креслу и снова достал из-под бушлата нож.

Марквелл напрягся.

– Доктор, я собираюсь частично перерезать веревки. Вы сможете освободиться, если повозитесь с ними полчаса или около того. Этого времени мне вполне хватит, чтобы убраться отсюда. – Склонившись над спинкой кресла, он принялся за работу.

Марквелл ждал, что нож вот-вот войдет ему между ребер.

Однако меньше чем через минуту незнакомец убрал нож и направился к двери спальни:

– Доктор, у вас еще есть шанс искупить свои грехи. Боюсь, вы для этого слишком слабый человек, но хочется верить, что я ошибаюсь. – И с этими словами он вышел из комнаты.

Пока Марквелл распутывал веревки, он еще минут десять слышал внизу какой-то шум. Очевидно, мужчина искал ценности. Несмотря на таинственный вид, возможно, он был самым обычным грабителем с причудливым способом действия.

Наконец в двадцать пять минут первого Марквелл освободился, в кровь ободрав запястья.

И хотя с первого этажа уже полчаса не раздавалось ни единого звука, Марквелл достал пистолет из ящика прикроватного столика и осторожно спустился по лестнице. Он направился в то крыло дома, где находилась приемная для пациентов, уже предвидя, что обнаружит пропажу наркотиков из запаса медикаментов, но оба высоких белых шкафа с лекарствами были нетронуты. Тогда доктор поспешил в кабинет, где находился примитивный сейф. Однако на сейф тоже никто не покушался.

Доктор, совершенно сбитый с толку, собрался было уйти и тут увидел сваленные в раковине пустые бутылки из-под виски, джина, текилы и водки. Незнакомец задержался лишь для того, чтобы ликвидировать запасы спиртного, вылив алкоголь в раковину.

К зеркалу над баром была приклеена записка, написанная аккуратными печатными буквами: «ЕСЛИ ВЫ НЕ БРОСИТЕ ПИТЬ, ЕСЛИ НЕ НАУЧИТЕСЬ ПРИНИМАТЬ СМЕРТЬ ЛЕННИ, ТО УЖЕ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА СУНЕТЕ В РОТ СТВОЛ ПИСТОЛЕТА И ВЫШИБЕТЕ СЕБЕ МОЗГИ. И ЭТО НЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ. ЭТО ФАКТ».

Сжимая в одной руке пистолет, а в другой – записку, Марквелл оглядел пустую комнату, словно мужчина в бушлате по-прежнему незримо там присутствовал – призрак, способный выбирать – оставаться ему видимым или невидимым.

– Кто ты такой?! – воскликнул Марквелл. – Кто, черт бы тебя побрал, ты такой?!

Но ответом ему был лишь шум ветра за окном, и в этом унылом завывании доктор не распознал ничего конкретного.

На следующее утро в одиннадцать часов, после ранней встречи с распорядителем похорон относительно погребения тела Дженет, Боб Шейн вернулся в окружную больницу проведать свою новорожденную дочь. Ему выдали хлопчатобумажный халат, шапочку, медицинскую маску и заставили тщательно вымыть руки под руководством медсестры, а затем провели в палату для новорожденных, где он смог осторожно взять Лору из колыбельки.

В палате лежали еще девять новорожденных. Все они казались по-своему прелестными, но Лора Джин – самой прелестной из всех, причем дело было вовсе не в пристрастном мнении Боба Шейна как отца. Несмотря на расхожее мнение, что у ангелов должны быть голубые глаза и белокурые волосы, Лора, с ее каштановыми волосами и карими глазами, была самым настоящим ангелочком. За те десять минут, что Боб держал ее на руках, она ни разу не заплакала, а только моргала, шурилась, таращила глазки и зевала. Правда, малышка выглядела очень печальной, словно понимала, что лишилась матери и у них с отцом больше никого не осталось в этом холодном безжалостном мире.

В одной из стен имелось большое обзорное окно, через которое родственники могли смотреть на новорожденных. За стеклом собрались пять человек. Четверо из них улыбались, тыкали пальцем, строили смешные рожицы, пытаясь развлечь младенцев.

Пятым был молодой блондин. Он стоял, засунув руки в карманы матросского бушлата. Блондин не улыбался, не тыкал пальцем, не строил смешных рожиц. И не сводил глаз с Лоры.

Заметив, что блондин уже несколько минут глазеет на Лору, Боб Шейн забеспокоился. Парень, в принципе, красивый, чисто выбритый, но было в его лице нечто жесткое и еще нечто такое, что сразу навело Боба на мысль, что человек этот видел и совершал ужасные вещи.

Боб сразу вспомнил сенсационные статьи в желтой прессе о похищении младенцев для продажи на черном рынке. Шейн старательно убеждал себя, что это самая настоящая паранойя и он видит опасность там, где ее нет, поскольку, потеряв жену, боится потерять еще и дочь. Но чем дольше молодой человек смотрел на Лору, тем сильнее нервничал Боб.

И точно почувствовав беспокойство новоиспеченного отца, молодой человек поднял голову. Мужчины посмотрели друг на друга. Пристальный взгляд ярко-голубых глаз незнакомца еще больше напугал Боба, и он прижал дочурку к груди, как будто этот человек мог разбить окно палаты для новорожденных и схватить малышку. Боб набрался смелости позвать одну из нянечек и попросил ее поговорить с незнакомцем, узнать, кто он такой.

А потом незнакомец улыбнулся широкой, теплой, искренней улыбкой, мгновенно преобразившей его лицо, которое больше не выглядело зловещим, став вполне дружелюбным, подмигнул Бобу и изобразил губами лишь одно слово: «Красавица».

Боб расслабился и улыбнулся в ответ, но быстро сообразил, что его улыбку не разглядеть за медицинской маской, и просто кивнул в знак благодарности.

Незнакомец бросил прощальный взгляд на Лору, еще раз подмигнул Бобу и отошел от окна.

И вот уже позже, когда Боб Шейн отправился домой, к окну палаты для новорожденных подошел какой-то высокий мужчина в темной одежде. Фамилия мужчины была Кокошка. Он внимательно изучил младенцев, затем его поле зрения немного сместилось и в него попало собственное бесцветное отражение в толстом стекле. У мужчины было широкое плоское лицо с резкими чертами и тонкие, твердые, словно вырезанные из кости, губы. На левой щеке виднелся двухдюймовый дуэльный шрам. Темные глаза вообще не имели глубины, напоминая два раскрашенных керамических шарика, – холодные глаза акулы, курсирующей по темным океанским впадинам. Мужчину даже забавлял разительный контраст между собственным жестким лицом и невинными личиками младенцев в колыбельках за стеклом. Он улыбнулся, что было для него нехарактерно, но улыбка не добавила его лицу тепла, а, наоборот, сделала еще более угрожающим. Он снова посмотрел в окно, поверх своего отражения. И без труда обнаружил среди спеленатых младенцев Лору Шейн, так как имя каждого ребенка было напечатано на табличках, прикрепленных к спинке колыбелек.

«Лора, почему ты вызываешь такой интерес? – мысленно спросил он себя. – Почему твоя жизнь имеет такое значение? И почему потрачено столько энергии ради того, чтобы ты благополучно появилась на свет? Может, мне убить тебя прямо сейчас и положить конец предательским замыслам?»

Он вполне мог убить Лору, рука бы не дрогнула. Ему и раньше приходилось убивать детей, хотя и не таких маленьких. Никакое преступление не казалось слишком жестоким, если оно оправдывало цель, которой он посвятил всю свою жизнь.

Малышка спала. Она причмокивала губами, крошечное личико морщилось, словно ей снилось желанное материнское чрево.

В конце концов он решил не убивать ребенка. Не сейчас.

– Я всегда сумею ликвидировать тебя позже, крошка, – прошептал он. – Когда пойму, какую роль ты играешь в планах предателя, вот тогда я тебя и убью.

Кокошка отошел от окна. Он знал, что по крайней мере в ближайшие восемь лет не увидит девочку.

2

В Южной Калифорнии весной, летом и осенью редко идет дождь. Настоящий сезон дождей начинается в декабре и кончается в марте. Однако в субботу, второго апреля 1963 года небо затянули низкие облака, влажность воздуха усилилась. Боб Шейн, державший открытой дверь своего маленького бакалейного магазинчика в Санта-Ане, ждал последнего сильного ливня в этом сезоне.

Фикусы во дворе дома через дорогу и финиковые пальмы на углу улицы застыли в недвижимом воздухе и, казалось, поникли в преддверии грозы.

Возле кассового аппарата тихо работало радио. *The Beach Boys* исполняли свой новый хит «Surfin' U. S. A.». В такую погоду мелодия эта была примерно так же уместна, как рождественская «White Christmas» в июле.

Боб бросил взгляд на часы: четверть четвертого.

«В половине четвертого наверняка пойдет дождь, – подумал Боб, – причем сильный».

Утром торговля шла довольно бойко, но к полудню замедлилась. И в данный момент в магазине покупателей не было.

Маленькая семейная бакалейная лавка столкнулась с новым видом смертельной конкуренции – с сетевыми супермаркетами вроде «Севен-элевен». Боб планировал переключиться на кулинарию с предложением свежих продуктов, но пока тянул с этим делом, поскольку кулинария требовала значительно большего объема работы.

Если надвигающаяся буря окажется действительно сильной, то на покупателей до конца дня можно не рассчитывать.

Отвернувшись от двери, Боб сказал:

– Пожалуй, лучше достать лодку, куколка.

Лора, стоя на коленях в начале первого прохода, напротив кассового аппарата, с головой ушла в работу. Боб принес со склада четыре коробки консервированного супа, остальное взяла на себя Лора. На эту восьмилетнюю девчушку всегда можно было положиться, и ей нравилось помогать отцу в магазине. Наклеив на каждую банку ценник, Лора поставила банки на полку, новые – за старыми, следуя правилам раскладки товара.

Она неохотно подняла голову:

– Лодку? Какую лодку?

– Наверху, в нашей квартире. Лодка в стенном шкафу. Если посмотришь на небо, то сразу поймешь, что без лодки сегодня нам точно не обойтись.

– Глупенький, – ответила Лора, – у нас в шкафу нет никакой лодки.

Отец зашел за кассовый прилавок:

– Красивая синяя лодочка.

– Да? В шкафу? А в каком?

Боб принялся прикреплять пакетики со «Слим Джим» возле упаковок с крекерами к стенду рядом с кассой:

– Ну конечно же, в том шкафу, который стоит в библиотеке.

– У нас нет никакой библиотеки.

– Разве? Ой! Ну если ты так считаешь, значит лодка не в библиотеке. Лодка в стенном шкафу в комнате жабы.

– Какой такой жабы?

– Эй, ты хочешь сказать, что не знаешь о жабе? – (Лора с улыбкой покачала головой.) – С сегодняшнего дня мы сдаем комнату чудесной, выдающейся жабе из Англии. Это жаба-джентльмен. Жаба-джентльмен, которая приехала сюда по поручению самой королевы.

Сверкнула молния, апрельское небо содрогнулось от удара грома. Треск радиопомех заглушил «Rhythm of the Rain» вокальной группы *Cascades*.

Но Лора не обратила внимания на грозу, так как не боялась вещей, пугавших большинство детей. Она была настолько уверенной в себе и настолько самостоятельной, что иногда казалась старушкой, маскирующейся под маленькую девочку.

– А чего ради королева поручает жабе вести свои дела?

– Жабы – первоклассные бизнесмены.

Открыв пакетик «Слим Джим», Боб откусил кусочек. После смерти Дженет и переезда в Калифорнию, чтобы начать новую жизнь, он набрал пятьдесят фунтов. Он никогда и не был красивым мужчиной. Ну а сейчас, в свои тридцать восемь лет, Боб заметно округлился, что лишало его каких-либо шансов привлечь внимание женщин. В бизнесе он тоже не слишком преуспел: трудно разбогатеть, заправляя маленькой бакалейной лавкой. Но Боба все это мало волновало. У него была Лора. Он стал хорошим отцом, и она любила его всем сердцем, так же как и он ее, поэтому мнение всех остальных не имело значения.

– Да, жабы действительно хорошие бизнесмены. А эта жаба семья служит короне сотни лет. Нашу жабу даже произвели в рыцари. Сэр Томас Жаба.

Молния сверкнула еще ярче, чем прежде. Раскаты грома усилились.

Расставив банки с супами на полке, Лора поднялась с колен и вытерла руки о белый передник, надетый поверх футболки и джинсов. Лора, с ее копной каштановых волос и большими карими глазами, была прехорошенькой и очень походила на свою мать.

– А сколько сэр Томас Жаба платит за комнату?

– Шесть пенсов в неделю.

– Это та комната, что рядом с моей?

– Да, та комната, где в шкафу лежит лодка.

– Надеюсь, что он не храпит, – хихикнула Лора.

– Он велел передать тебе то же самое.

К магазину подъехал раздолбанный ржавый «бьюик», и, когда дверь со стороны водителя открылась, третий удар грома взорвал почерневшие небеса. День озарился сиянием, прокатившимся огненным шаром по улице за окном, а затем разлившимся потоком раскаленной лавы над припаркованным «бьюиком» и проезжающими мимо машинами. Очередной удар грома сотряс дом от крыши до фундамента. Разгневанные небеса обрушились на землю, заставив ее содрогнуться.

– Ух ты! – Лора безбоязненно подошла к окну.

И хотя дождь еще не начался, внезапно поднялся сильный ветер, гнавший перед собой листья и мусор.

Человек, вылезший из видавшего виды синего «бьюика», с удивлением посмотрел на небо.

Небеса прорезали два разряда молнии, следовавшие один за другим. Пронзив воздух, они отразились огненными сполохами в окнах домов и в хромированных деталях автомобилей, и каждая вспышка сопровождалась таким ударом грома, будто кто-то молотил по земле гигантскими кулаками.

Молнии испугали Боба.

– Дорогая, отойди от окна! – крикнул он Лоре.

Она забежала за прилавок и позволила отцу себя обнять, скорее для его спокойствия, чем для собственного.

Мужчина из «бьюика» поспешно вошел в магазин и, бросив взгляд на сверкающие небеса, сказал:

– Нет, ты это видел, чувак?! Ни хрена себе!

Гром отгремел, стало тихо.

Начался дождь. Крупные капли, поначалу слабо стучавшие по стеклу, внезапно превратились в потоки воды, и мир за окном стал одним большим расплывчатым пятном.

Повернувшись, покупатель сказал с улыбкой:

– Ну прямо конец света, а?

Боб собрался было ответить, но прикусил язык, разглядев посетителя и сразу почувствовав опасность, как олень чувствует подкрадывающегося волка. На парне были разбитые байкерские сапоги, запачканные джинсы и заляпанная ветровка, из-под которой виднелась грязная белая майка. Взъерошенные жирные патлы, небритая щетина на щеках. И налитые кровью воспаленные глаза. Наркоман. Приблизившись к прилавку, парень вытащил из-под ветровки револьвер, и в этом не было ничего неожиданного.

– Выкладывай что там у тебя в кассе, недоумок!

– Конечно.

– Поторапливайся!

– Только не надо нервничать.

Наркоман облизал бледные потрескавшиеся губы:

– И не вздумай хоть что-нибудь утаить, debil!

– Хорошо, хорошо, конечно. – Одной рукой Боб подталкивал Лору, пытаясь спрятать ее у себя за спиной.

– Оставь девчонку в покое! Так, чтобы я мог ее видеть! Кончай, мать твою, прятать ее у себя за спиной!

– Ладно, только не нужно горячиться.

Парень был неестественно напряжен, словно ухмылка мертвеца, и трясся как в лихорадке.

– Сюда, чтобы я мог ее видеть. И только попробуй что-нибудь достать, кроме денег из кассы! Только попробуй потянуться за пушкой – и я разнесу, на хрен, твою башку!

– У меня нет пушки, – заверил его Боб.

Он посмотрел на залитое дождем окно в надежде, что никто из покупателей не зайдет в лавку во время налета. Наркоман был явно не в себе и мог пристрелить любого, кто появится на пороге.

Лора попыталась проскользнуть за спину отца, но наркоман ее остановил:

– Эй! Стой, где стоишь!

– Но ей всего восемь лет... – начал Боб.

– Она сучка, они все грязные сучки. И не важно, большие или маленькие. – Его пронзительный голос то и дело срывался.

Похоже, наркоман был напуган даже сильнее, чем Боб, и это страшило больше всего.

Боб, не сводивший глаз с наркомана и револьвера у него в руке, как ни странно, обратил внимание, что Скитер Дэвис пела по радио «The End of the World»¹, что казалось до жути пророческим. С простительной суеверностью человека, которого держат на мушке, Боб отчаянно надеялся, что песня закончится прежде, чем она, словно по мановению волшебной палочки злой колдуньи, оборвет их с Лорой брренное существование.

– Вот деньги. Здесь все. Берите.

Наркоман сгреб наличность и, засунув ее в карман грязной ветровки, сказал:

– У тебя там сзади есть склад?

– А вам зачем?

Наркоман злобно смахнул «Слим Джим», крекеры «Лайф сейверс» и жевательную резинку с прилавка на пол, после чего направил на Боба револьвер:

– У тебя ведь есть пушка, кретин! Я знаю, что есть. И мы сейчас пойдем прямо туда.

---

¹ «Конец света» (англ.). – Здесь и далее примеч. перев.

У Боба внезапно пересохло во рту.

– Послушайте, возьмите деньги и уходите. Вы получили, что хотели. Просто уйдите. Пожалуйста.

С деньгами в кармане наркоман, которому страх Боба придавал смелости, вел себя куда увереннее, хотя и продолжал трястись.

– Расслабься, я не собираюсь никого убивать. Я не убийца, да и вообще совсем по другому делу. Я только оприходуя эту маленькую сучку и сразу свалю отсюда.

Боб проклинал себя за то, что не обзавелся оружием. Лора доверчиво прильнула к нему, однако он ничего не мог сделать, чтобы спасти ее. По дороге на склад нужно будет попытаться напасть на насильника и вырвать у него револьвер. Но Боб оброс жирком и был явно не в форме. Недостаточно проворный, он получит пулю в живот и останется умирать на полу, а этот ублюдок тем временем заведет Лору в подсобку и изнасилует.

– Пошевеливайся! – нетерпеливо приказал наркоман. – Двигай давай!

Раздался выстрел, Лора завизжала, Боб прижал дочь к себе, пытаясь закрыть своим телом, но выстрел предназначался не им, а наркоману. Пуля, пробив левый висок, разнесла налетчику череп, и парень рухнул замертво прямо на «Слим Джим», крекеры и жевательную резинку, даже не успев рефлекторно нажать на спусковой крючок.

Ошарашенный Боб повернул голову направо и увидел высокого блондина с пистолетом в руке. Очевидно, блондин вошел в заднюю дверь, после чего незаметно пробрался через складское помещение и, оказавшись в торговом зале, без предупреждения пристрелил наркомана. Блондин смотрел на мертвое тело безучастно и холодно, словно ему было не впервой убивать людей.

– Слава богу, полиция! – обрадовался Боб.

– Я не из полиции.

На мужчине были серые слаксы, белая рубашка и темно-серая куртка, из-под которой виднелась наплечная кобура.

Боб растерялся. А что, если их спаситель – просто еще один грабитель, прикончивший наркомана, чтобы воспользоваться его добычей?

Мужчина отвел глаза от трупа на полу. Взгляд его ярко-голубых глаз казался пронизательным и очень прямым.

Боб был уверен, что уже видел этого парня прежде, но только не помнил где и когда.

– Дорогая, ты в порядке? – спросил незнакомец, глядя на Лору.

– Да, – ответила девочка, еще сильнее прижавшись к отцу.

От лежавшего на полу трупа исходил резкий запах мочи: похоже, в момент смерти у наркомана произошло непроизвольное мочеиспускание.

Незнакомец пересек торговый зал и, осторожно обойдя мертвое тело, закрыл входную дверь в магазин на засов, а затем опустил роллету. После чего озабоченно посмотрел на уличные витрины, затянутые тонкой пленкой дождя, скрывавшего магазин от внешнего мира.

– Пожалуй, нет смысла опускать жалюзи. Остается только надеяться, что никому из прохожих не придет в голову заглянуть внутрь.

– Что вы собираетесь с нами делать? – поинтересовался Боб.

– Я? Ничего. Я ведь не такой отморозок. Мне от вас ничего не нужно. А дверь я закрыл исключительно для того, чтобы мы могли обговорить с вами детали истории, которую вам придется рассказать полиции. Необходимо все утрясти, прежде чем кто-нибудь войдет в магазин и обнаружит тело.

– А с какой стати мне придумывать какую-то историю?

Склонившись над мертвецом, мужчина вынул из кармана заляпанной кровью ветровки ключи от машины и мятую пачку денег, потом выпрямился со словами:

– Ну ладно, вы должны сказать им, что было двое вооруженных грабителей. Убитый хотел изнасиловать Лору, но второму претило это грязное дело, и он просто желал убратся отсюда подобру-поздорову. В результате они здорово сцепились, второй пристрелил ублюдка, взял деньги и дал деру. Ну как, сможете изложить это более-менее правдоподобно?

Боб, который никак не мог поверить, что они с Лорой спасены, продолжал одной рукой прижимать к себе дочь.

– Я... я не понимаю. Вы же пришли не с ним. И вам не было нужды его убивать, ведь он намеревался убить не вас, а нас. Тогда почему бы не рассказать в полиции правду?

– А что на самом деле является правдой? – поинтересовался незнакомец, подходя к прилавку, чтобы вернуть Бобу деньги.

– Ну... вы случайно проходили мимо и увидели, что в магазине произошло ограбление.

– Боб, я не случайно проходил мимо. Я охраняю вас с Лорой. – Вернув пистолет в наплечную кобуру, он бросил взгляд на Лору, которая смотрела на него широко открытыми глазами, и с улыбкой добавил: – Ангел-хранитель.

– Охраняете нас? По чьему поручению, как долго и зачем? – спросил Боб, не веривший в ангелов-хранителей.

Когда незнакомец заговорил, его голос с едва уловимым, непривычным для Боба акцентом звучал чуть более настойчиво.

– Я не могу вам этого сказать. – Он посмотрел на залитые дождем окна. – И не могу давать показания в полиции. Поэтому вы должны сами изложить эту версию.

– Мне кажется, я вас знаю. Но откуда?

– Нет, мы не знакомы.

– Но я уверен, что видел вас раньше.

– Нет, не видели. Вам не нужно этого знать. А теперь, ради всего святого, спрячьте деньги. Пусть касса останется пустой. Копам покажется странным, что второй грабитель ушел ни с чем. Я возьму «бьюик» и оставлю его в нескольких кварталах отсюда, чтобы вы могли дать копам описание автомобиля. Можете описать им и меня тоже. Мне это ничем не грозит.

За окном снова слышались раскаты грома, но уже отдаленные и не такие громкие, как те оглушительные удары, ознаменовавшие начало грозы.

Во влажном, тяжелом воздухе все сильнее ощущался металлический запах крови, смешанный с вонью мочи.

Боба тошнило. Он облокотился на прилавок, продолжая прижимать к себе Лору:

– Но почему я не могу просто рассказать, как во время налета вы пристрелили грабителя, а потом скрылись, не желая огласки?

Незнакомец, начиная проявлять нетерпение, слегка повысил голос:

– Вооруженный мужчина случайно прогуливается мимо магазина в момент ограбления и решает стать героем? Копы ни за что не поверят столь абсурдной истории.

– Но ведь все именно так и было...

– Они не купятся на такую туфту! Послушайте, они решат, что, скорее всего, вы сами пристрелили того торчка. А так как у вас нет оружия, по крайней мере официально зарегистрированного, у них наверняка возникнут подозрения, что вы владеете оружием нелегально и, пристрелив парня, поспешили от него избавиться, после чего состряпали нелепую историю о некоем Одинокоем рейнджере, появившемся в нужный момент, чтобы спасти вашу задницу.

– Я уважаемый бизнесмен с безупречной репутацией.

Взгляд мужчины был полон беспричинной грусти и странного беспокойства.

– Боб, вы хороший человек, но иногда бываете слишком наивным.

– Что вы имеете в...

Незнакомец поднял руку, заставив собеседника замолчать:

– В критические моменты репутация, к сожалению, ничего не значит. Большинство представителей человеческого рода добросердечны и привыкли решать сомнения в пользу человека, но отвратительное меньшинство радуется падению и разорению других. – Его голос опустился до шепота, и, хотя он продолжал смотреть на Боба, перед его мысленным взором, казалось, возникали другие места, другие люди. – Зависть, Боб. Зависть снедает их живьем. Если у вас есть деньги, они завидуют вашему богатству. Но так как вы бедны, они завидуют тому, что у вас такая хорошая, умная, любящая дочь. Они завидуют вашему счастью. Завидуют вам, потому что вы не завидуете им. Одна из величайших трагедий человеческого существования – то, что люди не умеют радоваться жизни, а радуются лишь несчастьям других.

Мужчина говорил так искренне, так безыскусно, что Бобу нечем было крыть. Он знал, что тот абсолютно прав. И невольно вздрогнул.

После секундного молчания лицо незнакомца разгладилось, взгляд стал настойчивым.

– А когда копы решат, что вы лжете насчет спасшего вас Одинокого рейнджера, у них возникнут вопросы. Собирался ли тот наркоман вас вообще грабить? Что, если вы были знакомы и просто чего-то там не поделили? А вдруг вы запланировали это убийство и попытались придать ему вид самозащиты во время грабежа? Таков образ мыслей копов, Боб. Если они не смогут повесить на вас убийство, то постараются хотя бы отравить вам жизнь. Вы хотите, чтобы Лора через все это прошла?

– Нет.

– Тогда делайте, как вам говорят.

– Сделаю, – кивнул Боб. – Все как вы сказали. Но кто, черт возьми, вы такой?!

– Не имеет значения. У нас в любом случае на это нет времени. – Незнамец зашел за прилавок и наклонился над Лорой, оказавшись лицом к лицу с девочкой. – Ты хорошо поняла, что нужно говорить? Если полиция спросит, что случилось...

– Вы были с тем мужчиной. – Лора махнула рукой в сторону лежавшего на полу труп.

– Правильно.

– Вы с ним были приятели, – сказала девочка, – но потом поругались из-за меня, правда, не знаю почему, потому что я ничего такого не сделала.

– Дорогая, «почему» не имеет значения, – ответил он.

Лора кивнула:

– А потом вы застрелили его, убежали с нашими деньгами и уехали на машине, а я очень испугалась.

Незнамец поднял глаза на Боба:

– Восемь лет, да?

– Она очень смышленная девочка.

– И все же будет лучше, если копы не станут на нее сильно давить.

– Я им не позволю.

– А если станут, то я начну плакать и буду плакать, пока они от меня не отвяжутся.

Мужчина улыбнулся и так ласково посмотрел на Лору, что Бобу стало не по себе. Однако незнамец отнюдь не походил на того извращенца, который хотел затащить Лору в подсобку. Взгляд светловолосого гостя был нежным и любящим. Он коснулся щеки девочки. Неожиданно глаза его влажно заблестели. Сморгнув слезы, он выпрямился:

– Боб, спрячьте подальше деньги. Запомните, я забрал всю кассу.

Только сейчас Боб сообразил, что по-прежнему сжимает мятую пачку в руках, и сунул деньги в карман штанов, прикрытых свободным передником.

Незнамец отпер дверь и поднял роллету:

– Берегите ее, Боб. Она особенная.

И с этими словами он выбежал под дождь, оставив дверь открытой, и сел в «бьюик». Скрипнули покрышки – и автомобиль выехал с парковки.

Радио продолжало работать, но до Боба только сейчас это дошло. Последнее, что он помнил, было то, как Скитер Дэвис пела «The End of the World», когда пристрелили наркомана. Теперь Шелли Фабарес исполняла «Johnny Angel».

Неожиданно Боб услышал звук дождя, причем не отдаленный глухой шум и бульканье, а неистовую барабанную дробь по окнам и крыше над квартирой на втором этаже. Несмотря на врывающийся в открытую дверь порывистый ветер, запах крови, смешанный с вонью мочи, усилился, и Боб, словно внезапно выйдя из транса и очнувшись от сковавшего его ужаса, вдруг понял, насколько близко была от смерти его ненаглядная Лора. Он подхватил дочь, оторвал от пола и прижал к себе, повторяя ее имя и глядя по волосам. Затем уткнулся лицом ей в шею и вдохнул свежий аромат ее кожи, почувствовал биение жилки на нежной шейке, возблагодарив Господа за то, что она осталась жива.

– Я люблю тебя, Лора.

– Папочка, я тоже тебя люблю. Я люблю тебя из-за сэра Томаса Жабы и из-за миллиона других вещей. Но теперь нам нужно позвонить в полицию.

– Да, конечно. – Боб неохотно отпустил дочь.

Его глаза были полны слез. Он так разнервничался, что забыл, где находится телефон.

Но Лора уже сняла телефонную трубку и теперь протягивал ее отцу:

– Папочка, а хочешь, я сама им позвоню? Номер написан на телефоне. Так мне позвонить?

– Нет, детка, я сделаю это сам. – Сморгнув слезы, он взял у дочери трубку и сел на деревянный табурет за кассой.

Лора положила руку отцу на плечо, словно понимая, что он нуждается в ее поддержке.

Дженет была эмоционально сильной женщиной. Но сила и выдержка Лоры казались невероятными для ее возраста. Бобу Шейну оставалось только удивляться, откуда что берется. Быть может, девочка стала такой самостоятельной, потому что росла без матери.

– Папочка, – Лора нетерпеливо постучала пальцем по телефонному аппарату, – ты не забыл про полицию?

– О да, конечно. – Пытаясь сдержать тошноту от стоявшего в магазине запаха смерти, Боб набрал номер экстренного вызова полиции.

Кокошка сидел в автомобиле через дорогу от бакалейного магазина Боба Шейна, задумчиво теребя пальцем шрам на щеке.

Дождь прекратился. Полиция уехала. С наступлением темноты зажглись неоновые вывески магазинов и уличные фонари, однако, несмотря на иллюминацию, битумное дорожное покрытие лишь тускло поблескивало, словно мостовые не отражали, а поглощали свет.

Кокошка прибыл сюда одновременно со Штефаном, белокурым, голубоглазым предателем. Человек со шрамом слышал выстрелы, видел, как Штефан уехал в автомобиле убитого, а после приезда полиции затесался в толпу зевак, где и узнал основные детали произошедшего в магазине.

Конечно, Кокошка сразу понял, что нелепая история Боба Шейна, будто Штефан – второй грабитель, шита белыми нитками. Штефан был не налетчиком, а их самозванным телохранителем, и он наверняка солгал, скрыв свою подлинную личность.

Лору снова спасли.

Но почему?

Кокошка попытался понять, какую роль может играть девчонка в планах предателя, но зашел в тупик. Очевидно, допрос девчонки ничего не даст, поскольку она была слишком мала, чтобы обладать полезной информацией. И скорее всего, причины чудесного спасения оставались для нее такой же загадкой, как и для самого Кокошки.

Отец девчонки наверняка тоже был не в курсе. Штефана интересовала именно девчонка, а не ее отец, так что Боб Шейн вряд ли был посвящен в планы предателя и не знал, откуда тот появился.

Проехав несколько кварталов до ресторана, Кокошка пообедал, а после полуночи вернулся к бакалейному магазину и припарковался на боковой улочке в тени раскидистой финиковой пальмы. В магазине было темно, однако в окнах квартиры на втором этаже горел свет.

Из глубокого кармана дождевика Кокошка вытащил револьвер: «курносый» полицейский «кольт» 38-го калибра, компактный, но мощный. Он любил отлично разработанное, хорошо сделанное оружие, любил ощущать приятную тяжесть мощного револьвера в своей руке. То была сама смерть, воплощенная в стали.

Кокошка мог перерезать телефонные провода в квартире Шейнов, тихонько проникнуть в дом, убить девчонку и ее отца, а затем незаметно ускользнуть, прежде чем полиция отреагирует на выстрелы. У него был не только особый дар, но и тяга к подобным делам.

Однако если он убьет их, не узнав, почему это делает, и не поняв, какую роль они играют в планах Штефана, то, вероятно, впоследствии обнаружит, что их ликвидация стала ошибкой. Прежде чем действовать, следовало узнать истинную цель Штефана.

И Кокошка неохотно убрал револьвер в карман.

3

В безветренную ночь дождь отвесной стеной падал на город, и каждая капля казалась невероятно тяжелой. Дождь громко стучал по крыше, по ветровому стеклу маленького черного автомобиля.

В час ночи вторника в конце марта мокрые от дождя улицы, затопленные кое-где на перекрестках, были пустынными, за исключением военного транспорта. Штефан выбрал окольный путь до института, чтобы избежать известных контрольно-пропускных пунктов, опасаясь при этом наткнуться на временный дорожный пост. Бумаги Штефана были в порядке, форма допуска освобождала его от соблюдения комендантского часа, однако он предпочитал не попадать в поле зрения дотошной военной полиции. Он не мог допустить, чтобы его автомобиль обыскали, поскольку в чемодане на заднем сиденье лежали медная проволока, детонаторы и пластиковая взрывчатка. Все это было приобретено нелегально.

Ветровое стекло запотевало от дыхания, дождь превращал зловещий черный город в расплывчатое пятно, дворники машины были изношены, а колпаки фонарей ограничивали поле зрения, в результате чего Штефан едва не пропустил узкую, вымощенную булыжником улочку, пролежавшую за зданием института. Ударив по тормозам, Штефан резко повернул руль. Седан под визг шин завернул за угол и заскользил по мокрому булыжнику.

Штефан припарковался в темноте у заднего входа, вышел из автомобиля, взял с заднего сиденья чемодан. Институт располагался в невзрачном четырехэтажном кирпичном здании с зарешеченными окнами. От здания исходила аура опасности, хотя с виду оно явно не походило на место, которое таило секреты, способные радикально изменить мир. Металлическая дверь на скрытых петлях была выкрашена черной краской. Штефан нажал на кнопку звонка и, услышав, как за дверью раздался протяжный звон, принялся напряженно ждать.

Он надел резиновые сапоги, поднял воротник плаща, но не позаботился о шляпе и зонте. Мокрые от дождя волосы облепили череп, холодные струйки текли по затылку.

Зябко пожившись, Штефан посмотрел на прорезь окна в стене возле двери. Оконное стекло шириной шесть дюймов и высотой один фут было зеркальным снаружи и прозрачным с внутренней стороны.

Он терпеливо слушал, как дождь барабанит по крыше автомобиля, молотит по лужам, булькает в водосточной трубе. И со злобным шипением хлещет по листьям платанов на обочине.

Над дверью зажегся свет. Конусообразный плафон задерживал золотистое сияние, так что луч света был направлен прямо на Штефана.

Штефан улыбнулся в зеркальное смотровое окно. Улыбка предназначалась охраннику, которого он не видел.

Свет погас, лязгнул, открывшись, ригельный замок, дверь распахнулась вовнутрь. Штефан знал охранника: Виктор какой-то там, крепкий мужчина лет пятидесяти с коротко стриженными седыми волосами, в очках в стальной оправе. Охранник, суровый снаружи, но мягкий в душе, по натуре был настоящей наседкой, пекущейся о здоровье друзей и знакомых.

– Герр Штефан, что вы здесь делаете в такой час и в такой ливень?

– Мне не спалось.

– Жуткая погода! Входите, входите! Так и простудиться недолго!

Штефан вошел в тамбур и, пока Виктор запирает дверь, порылся в памяти в поисках обрывков информации о личной жизни охранника.

– Судя по вашему виду, ваша жена по-прежнему готовит вам эти потрясающие блюда с лапшой, о которых вы мне рассказывали.

Отвернувшись от двери, Виктор тихо рассмеялся и похлопал себя по животу:

– Клянусь, ее нанял сам дьявол, чтобы ввести меня в грех чревоугодия! А это у вас что такое? Чемодан? Вы решили здесь поселиться?

Вытерев мокрое от дождя лицо, Штефан сказал:

– Да так, данные исследований. Брал их домой несколько недель назад. Работал по вечерам.

– У вас что, совсем нет личной жизни?

– Я выделяю себе ровно двадцать минут каждый второй четверг.

Виктор неодобрительно поцокал языком, затем подошел к письменному столу, занимавшему треть пространства небольшой комнаты, поднял телефонную трубку и позвонил второму ночному охраннику, дежурившему в вестибюле перед главным входом в институт. Когда кого-то впускали внутрь в неурочное время, дежурный охранник всегда предупреждал коллег в другом конце здания во избежание ложной тревоги и, возможно, случайной стрельбы в сотрудников, явившихся без злого умысла.

Оставив мокрый след на вытертой ковровой дорожке, Штефан выудил из кармана плаща связку ключей и подошел к внутренней двери. Как и наружная, она была стальной, на скрытых петлях, и открыть ее можно было лишь двумя ключами, повернутыми одновременно: один ключ имелся у сотрудника с соответствующим уровнем доступа, второй – у дежурного охранника. Исследования, проводившиеся в институте, были настолько выдающимися и секретными, что даже ночной охранник не имел доступа в лаборатории и архив.

Виктор положил телефонную трубку:

– Насколько вы здесь задержитесь?

– На пару часов. Кто-нибудь еще работает сегодня вечером?

– Нет. Вы единственный мученик. И должен вам сказать, никто толком не ценит мучеников. Спорим, вы загоните себя в гроб, и ради чего? Кто это оценит?

– Элиот писал: «Святой и мученик правят из могилы».

– Элиот? А это еще кто такой? Какой-то поэт или вроде того?

– Томас Элиот. Да, поэт.

– Значит, «святой и мученик правят из могилы»? Ничего не слышал о таком. Непохоже, что это одобренный властями поэт. Наверняка инакомыслящий. – Виктор от души рассмеялся.

Его развеселила абсурдная идея, что этот трудоголик может быть предателем.

Вдвоем они открыли внутреннюю дверь.

Перетащив чемодан с взрывчаткой в коридор подвального этажа института, Штефан включил свет.

– Если у вас войдет в привычку работать по ночам, – заявил Виктор, – я принесу вам один из пирогов, которые печет моя жена, чтобы вы хоть чуть-чуть подкрепились.

– Спасибо, Виктор. Но, надеюсь, это все же не войдет у меня в привычку.

Охранник закрыл за собой металлическую дверь. Замок звякнул и автоматически защелкнулся.

Оставшись в одиночестве в коридоре, Штефан в очередной раз подумал, насколько ему повезло с внешностью: блондин, с мужественными чертами лица, голубоглазый, чем отчасти объяснялась та смелость, с которой он пронес взрывчатку в институт, не опасаясь досмотра. В Штефане не было ничего темного, скрытого или подозрительного. Он казался настолько идеальным, а его улыбка – такой ангельской, что в патриотизме Штефана не способны были усомниться люди вроде Виктора, люди, чья слепая преданность государству и чей пивной, сентиментальный патриотизм мешали им задумываться над порядком многих вещей. Очень многих вещей.

Поднявшись на лифте на третий этаж, Штефан направился прямо в свой кабинет, где, включив латунную настольную лампу, сняв плащ и переобувшись, достал из шкафа бумажную папку и разложил ее содержимое на письменном столе для создания видимости кипучей деятельности. Нужно было сделать все возможное, чтобы устранить любые подозрения на тот случай, хотя и маловероятный, если кто-нибудь из сотрудников решит появиться в институте посреди ночи.

Взяв чемодан и фонарь, спрятанный во внутреннем кармане плаща, Штефан поднялся по лестнице на четвертый этаж, а оттуда – на чердак. Луч фонаря высвечивал тяжелые балки с торчащими кое-где гвоздями. Чердак, с его черным деревянным полом, не использовался для хранения и был абсолютно пуст, если не считать слоя серой пыли и паутины. Высота конька остроконечной шиферной крыши позволяла Штефану выпрямиться в полный рост, хотя ближе к карнизу пришлось опуститься на колени.

Здесь, прямо под самой крышей, неустанный шум дождя был подобен гулу непрерывно пролетающих над головой бомбардировщиков. Этот образ напрашивался сам собой, поскольку город уже был обречен.

Штефан открыл чемодан. Работая с быстротой и сноровкой опытного подрывника, он установил брикеты пластида так, чтобы сила взрыва шла вниз и внутрь. Взрыв должен был не только сорвать крышу, но и разнести средние этажи, с тем чтобы шиферные плиты и тяжелые балки рухнули вниз, вызвав еще большие разрушения. Он спрятал взрывные устройства между стропилами, в углах длинного чердака, а также под парой отодранных половых досок.

Непогода снаружи немного улеглась. Правда, вскоре тишину ночи разорвали зловещие удары грома, а дождь полил с новой силой. И в довершение всего поднялся ветер, завывавший в водосточных трубах и стонавший под скатами крыши: его странный замогильный голос, казалось, одновременно и запугивал, и оплакивал город.

Чердак не отапливался, и окоченевший Штефан делал эту тонкую работу трясущимися руками, но, несмотря на пробирающий до костей холод, даже вспотел от напряжения.

Вставив детонатор в каждое взрывное устройство, он протянул проволоку от всех взрывных устройств в северо-западный угол чердака. После чего сплел проволоку в один медный провод, который спустил в вентиляционную шахту, идущую вниз до цокольного этажа.

Взрывные устройства и проволока были спрятаны так, чтобы их не заметил человек, случайно открывший дверь на чердак. При более внимательном осмотре помещения или если на чердаке вдруг решат устроить склад, проволоку и пластид наверняка обнаружат.

Однако Штефану нужно было всего двадцать четыре часа. Не слишком строгое ограничение, учитывая, что последние месяцы никто, кроме него, не поднимался на чердак.

Завтра ночью он вернется со вторым чемоданом и разместит взрывчатку в цокольном этаже. Разрушить институт одновременно двумя взрывами вверх и вниз было единственным способом стереть здание с лица земли, чтобы превратить в прах абсолютно все документы, позволявшие возобновить опасные исследования, которые здесь проводились.

Конечно, взрывчатка в таком количестве, пусть и грамотно размещенная, могла повредить соседние здания, и Штефан резонно опасался, что во время взрыва погибнут невинные люди. Но, к сожалению, случайных жертв было не избежать. Ведь если документы и хранящиеся здесь дубликаты будут уничтожены не полностью, то проект наверняка оперативно запустят заново, чего категорически нельзя было допустить, поскольку на кону стояла судьба человечества. И если погибнут невинные люди – что ж, тогда ему, Штефану, придется жить с вечным чувством вины.

Он управился за два часа, закончив работу на чердаке в начале четвертого ночи.

Затем вернулся в свой кабинет на третьем этаже и сел за письменный стол. Нужно было высушить мокрые от пота волосы и унять дрожь в руках, чтобы не вызвать подозрений у Виктора.

Штефан закрыл глаза. Представил себе лицо Лоры. Мысли о Лоре всегда его успокаивали. Сам факт ее существования приносил душевный покой и прибавлял смелости.

4

Друзья Боба Шейна не хотели, чтобы Лора присутствовала на похоронах ее отца. Они считали, что двенадцатилетней девочке не выдержать столь тяжелого испытания. Однако Лора настояла на том, чтобы пойти, а если она чего-то сильно хотела – в данном случае сказать последнее «прости» своему отцу, – то отговаривать ее было бесполезно.

Тот день, четверг, 24 июля 1967 года, стал худшим днем в жизни девочки, даже хуже, чем вторник на той же неделе, когда умер отец. Первый анестезирующий шок прошел, и Лора вышла из оцепенения: эмоции рвались наружу и она не могла их контролировать. Лора начала осознавать всю невосполнимость своей утраты.

Она выбрала темно-синее платье, поскольку черного у нее не было. Надела черные туфли и темно-синие носки, хотя и сомневалась в их уместности, так как носки придавали ей легкомысленный, детский вид. Но она пока еще не носила нейлоновых чулок, и надевать их впервые в жизни на похороны казалось столь же неуместным. Ведь папочка будет смотреть на нее с небес во время заупокойной службы, и ей хотелось быть такой, какой он привык ее видеть. Если папа увидит дочь в нейлоновых чулках – маленькую дурочку, пытающуюся сойти за взрослую, – ему придется за нее краснеть.

В траурном зале похоронного бюро Лора сидела на передней скамье между Корой Лэнс, хозяйкой салона красоты, расположенного неподалеку от бакалейного магазина Шейна, и Ани-той Пассадополис, вместе с которой Боб занимался благотворительностью в пресвитерианской церкви Святого Андрея. Обеим дамам было ближе к шестидесяти, и они, словно две бабушки, взволнованно кудахтали над Лорой, ободряюще ее поглаживая.

Но беспокоиться за Лору им явно не стоило. Она не будет рыдать, не впадет в истерику, не станет рвать на себе волосы. Она понимала, что такое смерть. Каждому на этой земле суждено умереть. Умирали люди, умирали собаки, умирали кошки, умирали птицы, умирали цветы. Даже древние секвойи рано или поздно умирали, хотя и жили в двадцать или тридцать раз дольше, чем человек, что, конечно, было несправедливо. Хотя, с другой стороны, просуществовать тысячу лет в виде дерева – перспектива куда более безрадостная, чем прожить сорок два года счастливым человеком. Ее папе было всего сорок два, когда у него не выдержало

сердце – бац, и внезапный сердечный приступ! – слишком мало. Но так уж устроен мир, и плакать из-за этого бессмысленно. Лора гордилась своей рассудительностью.

И, кроме того, для человека смерть не была концом, а на самом деле – только началом. Ведь за ней следовала другая – лучшая – жизнь. Лора знала, что это, скорее всего, правда, поскольку так говорил ей папа, а папа никогда не лгал. Ее папа был самым правдивым человеком, добрым и очень хорошим.

Когда священник взошел на кафедру слева от гроба, Кора Лэнс наклонилась поближе к Лоре:

– Милая, ты в порядке?

– Да, все хорошо, – ответила Лора, не глядя на Кору.

Девочка не решалась смотреть в глаза пришедшим на похороны и поэтому с интересом рассматривала неодушевленные предметы.

Она впервые в жизни попала в похоронное бюро, и ей здесь совсем не понравилось. Бордовый ковер казался до нелепого ворсистым. Шторы и обивка стульев были тоже бордовыми, с узкой золотой отделкой, абажуры на лампах, конечно, бордовые. Возникало ощущение, будто декорировавший траурный зал дизайнер по интерьерам помешан на бордовом цвете, ставшем для него фетишем.

«Фетиш» было новым словом в словаре Лоры. Она использовала его слишком часто, как и все новые слова, но на сей раз вполне уместно.

В прошлом месяце Лора, впервые услышав чудное слово «секвестрированный», означавшее «ограниченный» или «урезанный», стала использовать его по поводу и без повода, на что папа начал поддразнивать ее использованием этого слова в самых нелепых сочетаниях: «Эй, как сегодня дела у моей секвестрированной Лоры?» или «Картофельные чипсы – наиболее ходовой товар, поэтому мы переместим их в первый проход, поближе к кассе, потому что угол, где они лежат, предстоит секвестрировать». Папа обожал смешить Лору, например рассказывая сказки о сэре Томасе Жабе, земноводном родом из Великобритании, которого Боб придумал, когда дочери было восемь лет, и чью смешную биографию каждый день украшал новыми подробностями. В каком-то смысле отец был большим ребенком, и Лора любила его за это.

У Лоры задрожала нижняя губа. Девочка ее прикусила. Сильно. Если она заплачет, значит она сомневается в папином обещании, что на том свете человека ожидает другая, лучшая жизнь. Своим плачем она подтвердит, что он умер, умер раз и навсегда. Все, finito.

Лоре безумно хотелось, чтобы ее прямо сейчас секвестрировали в своей комнате над бакалейным магазином, в своей кровати, с натянутым на голову покрывалом. Эта идея показалась столь заманчивой, что Лора представила себе, как создаст фетиш для своего секвестрирования.

После похоронного бюро все отправились на кладбище.

На кладбище не было надгробий. Лишь бронзовые дощечки на мраморных основаниях могил. Холмы с зелеными лужайками в тени индийских лавров и более низких магнолий можно было вполне принять за парк – место, чтобы играть, бегать и смеяться, – если бы не свежеврытая могила, в которую опустили гроб с Бобом Шейном.

Прошлой ночью Лора дважды просыпалась от отдаленных раскатов грома, и сквозь сон ей показалось, будто она видела, как в окне сверкнула молния, но если ночью несвоевременная гроза и прошла где-то в стороне, то сейчас от нее не осталось даже следа. День был ясным, безоблачным.

Лора стояла между Корой и Анитой, которые гладили девочку и шептали бесполезные слова утешения. С каждым словом заупокойной молитвы давящее чувство в душе лишь усиливалось. Девочке вдруг показалось, что она стоит не в тени раскидистого дерева в теплое безветренное июльское утро, а голая на морозе и кругом царит арктический холод.

Распорядитель похорон включил электрический лифт. Тело Боба Шейна предали земле. Когда начали опускать гроб, Лора, неожиданно почувствовав приступ удушья, выскользнула из ласковых рук двух новоиспеченных бабушек и сделала два шага по кладбищу. Она была холодной, как мрамор, и ей не терпелось выйти на солнцепек. Лора остановилась, оказавшись на солнце, которое приятно пригревало кожу, но не могло растопить лед внутри.

Она решила спуститься с пологого холма и буквально через минуту увидела какого-то мужчину, стоявшего в дальнем конце кладбища в тени небольшой рощицы из лавровых деревьев. На мужчине были светло-коричневые слаксы и белая рубашка, слегка светившаяся в сумраке, словно человек этот был призраком, сменившим покров ночи на яркий солнечный свет. Мужчина наблюдал за Лорой и другими скорбящими, собравшимися у могилы Боба Шейна на вершине холма. На таком расстоянии Лора не могла толком разглядеть лица, но заметила, что это высокий мускулистый блондин – и он ей кого-то до боли напоминал.

Незнакомец заинтриговал Лору, она и сама не знала почему. Девочка, точно замороженная, спустилась с холма, осторожно обходя могилы. И чем ближе она подходила к блондину, тем более знакомым казалось его лицо. Поначалу мужчина не отреагировал на ее появление, но Лора знала, что он пристально за ней наблюдает: она чувствовала на себе его тяжелый взгляд.

Кора с Анитой окликнули Лору, но она не отреагировала. Охваченная необъяснимым волнением, девочка ускорила шаг, теперь от незнакомца ее отделяло не более ста шагов.

В страхе, что он ускользнет, прежде чем она сумеет получше его рассмотреть, но по-прежнему не понимая, почему для нее это так важно, Лора перешла на бег. Подошвы новых черных туфель оказались слишком скользкими, пару раз она едва не упала. В том месте, где стоял мужчина, трава была утоптана, значит он явно не привидение.

Лора уловила между деревьями какое-то движение, белым пятном мелькнула рубашка блондина. Девочка поспешила за ним. Под кронами лавров, куда не проникали лучи солнца, трава была чахлой, бледной. Со всех сторон тянулись вездесущие корни и предательские тени. Споткнувшись, Лора ухватила за ствол и, восстановив равновесие, подняла голову, но незнакомец исчез.

Роща оказалась довольно густой. Ветви деревьев плотно переплелись, пропуская лишь тонкие золотистые ниточки света, словно раздвигая ткань, из которой сотканы небеса. Лора поспешила вперед, щурясь в полумраке. Несколько раз ей казалось, будто она видит мужчину, но то был лишь обман зрения, игра света или воображения. Когда поднялся легкий ветерок, Лоре почудилось, будто она слышит в шорохе опавших листьев крадущиеся шаги. Она пошла на этот звук, но его источник исчез.

Через пару минут роща закончилась, и Лора оказалась на дороге, идущей через другой участок большого кладбища. На обочине были припаркованы мерцавшие на солнце автомобили, в ста ярдах от них другая группа скорбящих принимала участие в заупокойной службе у открытой могилы.

Лора, вконец запыхавшаяся, стояла на дороге, ломая голову, куда мог подеваться человек в белой рубашке и что заставило ее пуститься за ним в погоню.

Ей стало не по себе от ослепительного солнца, внезапного затишья после порыва ветра и воцарившегося на кладбище безмолвия. Солнечные лучи, казалось, пронизывали ее насквозь, тело вдруг стало прозрачным, и Лора ощутила необыкновенную легкость, почти состояние невесомости и слабое головокружение. Казалось, будто она попала в удивительный сон и теперь парит над нереальным ландшафтом.

Я сейчас потеряю сознание, подумала она.

Лора оперлась рукой о переднее крыло одного из припаркованных автомобилей и стиснула зубы, стараясь не упасть в обморок.

В свои двенадцать лет девочка обладала рассудительностью взрослого человека и считала, что уже вышла из детского возраста, но лишь до этого момента на кладбище, когда внезапно ощутила себя очень юной, слабой и беззащитной.

По дороге, слегка притормаживая, проехал коричневый «форд». За рулем сидел человек в белой рубашке.

Увидев его совсем близко, она сразу поняла, почему он показался ей знакомым. Четыре года назад. Ограбление. Ангел-хранитель. И хотя Лоре тогда было всего восемь лет, его лицо навсегда врезалось ей в память.

Максимально сбросив скорость, незнакомец медленно ехал мимо Лоры, пристально вглядываясь в нее. Их разделяло всего несколько футов.

Через открытое окно автомобиля девочка могла рассмотреть каждую черту красивого лица незнакомца так же отчетливо, как и в тот ужасный день, когда он появился в их бакалейной лавке. Ярко-голубые глаза молодого мужчины не утратили своей притягательности, и, поймав его внимательный взгляд, Лора вздрогнула.

Он ничего не сказал, не улыбнулся, а только еще пристальнее всмотрелся в ее лицо, словно пытаясь запечатлеть в памяти ее внешность. Он глядел на нее, как путник в пустыне глядит на стакан холодной воды. Его упорное молчание, немигающий взгляд пугали Лору и одновременно давали странное чувство защищенности.

Автомобиль проехал мимо Лоры. Она крикнула:

– Погодите!

Оторвавшись от машины, на которую она облокачивалась, Лора кинулась к коричневому «форду». Незнакомец нажал на газ и умчался прочь, оставив девочку одну на солнцепеке. И тут у нее за спиной послышался мужской голос:

– Лора?

Оглянувшись, она сперва никого не увидела. Тогда мужчина снова окликнул ее, очень тихо, и она увидела его в пятнадцати футах от дороги, на краю рощи. Он стоял в фиолетовой тени индийского лавра. На мужчине были черные слаксы и черная рубашка, что для лета выглядело несколько неуместно.

Заинтригованная и озадаченная, Лора невольно задалась вопросом, не связан ли этот человек с ее ангелом-хранителем. Она сделала буквально два шага в сторону незнакомца, но неожиданно поняла, что он смотрится неуместно в этот теплый летний день не только из-за черной одежды: от этого темного человека веяло стужей, словно он был создан для жизни в полярных районах или в ледяных пещерах заснеженных гор.

Лора остановилась менее чем в пяти футах от него.

Он больше не произнес ни слова, но напряженно вглядывался в девочку, и взгляд этот озадачивал ее не меньше всего остального.

Она увидела шрам на его левой щеке.

– Почему именно ты? – Ледяной человек сделал шаг вперед, протянув к Лоре руки.

Лора испуганно отшатнулась, крик замер у нее в горле.

И тут из-за деревьев послышался голос Кору Лэнс:

– Лора?! Ты в порядке? Лора?

Мужчина со шрамом, мгновенно отреагировав на появление Кору, повернулся и начал пробираться сквозь заросли лавра; его черная фигура тотчас же растворилась в тени, словно это был не реальный человек, а ожившая частица тьмы.

Через пять дней после похорон, во вторник 29 июля, Лора вернулась в свою комнату над бакалейным магазином впервые за все это время. Нужно было собрать вещи и сказать «до свидания» месту, которое было ее домом с тех пор, как она себя помнила.

Остановившись, чтобы передохнуть, Лора села на край измятой кровати, пытаясь вспомнить, как счастлива она была в этой комнате еще несколько дней назад. На книжной полке в углу стояло по меньшей мере сто книг в бумажной обложке, в основном рассказы о собаках и лошадях. Пятьдесят фигурок собачек и кошечек – стеклянных, латунных, фарфоровых, оловянных – украшали полки на стене у изголовья кровати.

У нее не было домашних животных, поскольку санитарные правила запрещали держать животных в квартире над бакалейным магазином. Но Лора надеялась, что в один прекрасный день заведет собаку, а может, и лошадь. Но в любом случае когда она вырастет, то будет ветеринаром – целителем больных и раненых животных.

Папа говорил ей, что она может стать кем угодно: ветеринаром, адвокатом, кинозвездой и так далее.

– Ты можешь стать погонщицей оленей, если захочешь, или танцовщицей на шесте. Тебе открыты все пути.

Она улыбнулась, вспоминая, как папа изображал танцовщицу на шесте. Но сразу вспомнила, что папа умер, и в душе возникла чудовищная пустота.

Вынув вещи из шкафа, Лора аккуратно сложила одежду в два больших чемодана. У нее был еще кофр, куда она спрятала любимые книги, несколько игр и плюшевого мишку.

Кора и Том Лэнс проверяли остальное содержимое маленькой квартиры и бакалейной лавки на первом этаже. Лора должна была остаться в этой семье, хотя и не знала, навсегда или на время.

Разнервничавшись при мысли о туманных перспективах на будущее, она снова принялась паковать вещи. Открыла ящик ближайшего из двух ночных столиков и оцепенела при виде миниатюрных сапожек, крошечного зонтика и игрушечного шарфика, которые приобрел ее папа в доказательство того, что сэр Томми Жаба действительно снимал у них комнату.

Отец уговорил своего друга, искусного башмачника, сшить сапожки, достаточно широкие, чтобы туда поместились перепончатые лапы. Зонттик он купил в магазине, где продавали миниатюрные вещи, а зеленый клетчатый шарф изготовил собственноручно, даже не поленившись сделать бахрому на концах. Когда Лора на свой девятый день рождения вернулась из школы, сапожки и зонтик уже стояли у стены в прихожей возле двери, а кукольный шарфик висел на вешалке.

«Тсс! – драматическим шепотом произнес папа. – Сэр Томми только что вернулся из тяжелой поездки в Эквадор по заданию королевы – у нее там алмазные копи – и утомился с дороги. Думаю, теперь он будет спать много-много дней. И все же он просил передать тебе поздравление с днем рождения и даже оставил подарок на заднем дворе». Подарком оказался новенький велосипед фирмы «Швинн».

И вот теперь, глядя на крошечные предметы в ящике ночного столика, Лора поняла, что умер не только папа. Вместе с ним ушли сэр Томми Жаба и другие выдуманные отцом персонажи, а также глупые, но чудесные фантазии, которыми он развлекал Лору. Сапожки для перепончатых лап, миниатюрный зонтик и крошечный шарфик казались такими милыми и трогательными, что Лора почти поверила, будто сэр Томми действительно существовал и теперь ушел в свой собственный, лучший мир. Из груди девочки вырвался глухой стон отчаяния. Она упала на кровать, зарывшись лицом в подушки, чтобы заглушить судорожные всхлипывания. Впервые за все время после смерти отца она дала наконец волю отчаянию и горю.

Она не хотела жить без папы, и все же ей придется не только продолжать жить, но и стараться преуспеть, поскольку теперь каждый день ее жизни будет выполнением его завета. Несмотря на столь юный возраст, Лора понимала, что если она будет жить достойно и станет хорошим человеком, то сохранит в душе частицу отца, тем самым в каком-то смысле продолжив его жизнь.

Однако смотреть в будущее с оптимизмом и радостью, похоже, будет непросто. Теперь Лора с пугающей ясностью осознавала, что жизненный путь человека тернист и извилист: на смену безоблачным, солнечным дням всегда приходят холод и ненастье; никогда не знаешь, в какой момент удар молнии поразит кого-то, кого ты любишь. Ничто не вечно. Жизнь – это свеча на ветру. Тяжелый урок для двенадцатилетней девочки, заставивший ее почувствовать себя старой, очень старой, чуть ли не древней старухой.

Когда поток горячих слез иссяк, Лора быстро взяла себя в руки: ей не хотелось, чтобы Лэнсы видели, как она плачет. Если мир такой суровый, жестокий и непредсказуемый, то не стоит демонстрировать даже малейшую слабость.

Лора аккуратно завернула сапожки для перепончатых лап, зонтик и клетчатый шарфик в папиросную бумагу. И спрятала в кофр.

Очистив оба ночных столика, Лора подошла к письменному столу, чтобы освободить и его, но неожиданно увидела под пресс-папье сложенный лист из блокнота с написанным четким, изящным, аккуратным почерком посланием, словно напечатанным на пишущей машинке:

Дорогая Лора!

Некоторые вещи предопределены судьбой, и предотвратить их никто не может. Даже твой особый ангел-хранитель. Ты должна утешать себя тем, что твой папа любил тебя всей душой. И таких счастливчиков, которых любили бы так же сильно, как он тебя, очень немного. И хотя тебе сейчас кажется, что ты больше никогда не будешь счастлива, ты ошибаешься. Когда придет время, ты непременно обрешь счастье. И это не пустые обещания. Это факт.

Записка была без подписи, но Лора знала, кто ее написал: тот мужчина, который на кладбище смотрел на нее из окна проезжавшего автомобиля, а много лет назад спас их с отцом от пули грабителя. Ведь никто другой не станет называть себя особым ангелом-хранителем. Лора невольно задрожала, но не от страха: загадочный ангел-хранитель пробуждал любопытство и затрагивал тайные струны души.

Девочка бросилась к окну спальни и отодвинула прозрачную занавеску, висевшую между шторами, в полной уверенности, что сейчас увидит под окном незнакомца, но на улице перед магазином никого не было.

Человека в черном там тоже не было, впрочем, Лора и не ожидала его увидеть. Она почти убедила себя, что он никак не связан с ангелом-хранителем и на кладбище был совсем по другой причине. Конечно, человек в черном знал, что ее зовут Лора, но, возможно, он просто слышал, как Кора звала девочку с кладбищенского холма. И она тотчас же выкинула этого человека из головы, поскольку не желала, чтобы он стал частью ее жизни, в отличие от ангела-хранителя, в котором сейчас отчаянно нуждалась.

Лора перечитала послание.

И хотя она не знала, кем был тот блондин и что ему нужно, оставленная им записка ее успокоила. Ведь совершенно необязательно понимать необъяснимое, главное – это верить.

5

Заложив накануне взрывчатку на чердаке института, Штефан вернулся на следующую ночь с тем же чемоданом и снова пожаловался на бессонницу. Виктор, предвидя этот ночной визит, принес Штефану половину испеченного женой пирога.

Штефан жевал пирог, одновременно формируя и закладывая пластид. Огромный подвальный этаж здания, разделенный перегородкой на две части, в отличие от чердака, ежедневно

использовался сотрудниками института. И Штефану пришлось особенно тщательно прятать зарядные устройства и проволоку.

В первом помещении хранились материалы исследований и стояла пара длинных дубовых столов. Шкафы для документов высотой шесть футов были расположены вплотную друг к другу вдоль двух стен. Взрывные устройства удалось установить на шкафах, протолкнув их подальше к стене, где даже самый высокий сотрудник не мог их заметить.

Проволоку Штефан пропустил за шкафами, хотя ему и пришлось просверлить маленькую дырочку в перегородке между помещениями, чтобы распространить детонацию на вторую комнату. Он проделал отверстие в незаметном месте, так что проволока высывалась не больше чем на два дюйма по обе стороны перегородки.

Второе помещение использовалось для хранения офисного и лабораторного оборудования, и здесь же содержались подопытные животные: несколько хомяков, белые мыши, две собаки и в специальной клетке с перекладинами, чтобы качаться, одна очень энергичная обезьяна. Все они участвовали – и выжили – в ранних экспериментах института. И хотя институт больше не нуждался в подопытных животных, которых оставили для того, чтобы установить, не появились ли у них долгосрочные последствия в виде проблем со здоровьем, связанные с необычными приключениями.

Штефан засунул мощные зарядные устройства в пустоты между сложенным лабораторным оборудованием, а проволоку пропустил через зарешеченный вентиляционный канал, через который накануне вечером протянул проволоку с чердака. За работой Штефана пристально наблюдали подопытные животные, словно знали, что жить им осталось меньше двадцати четырех часов. Щеки Штефана горели от стыда. Его мучило чувство вины, которой он не испытывал, планируя смерть сотрудников института, возможно, потому, что животные были невинными созданиями, а вот люди – нет.

К четырем утра Штефан закончил закладку взрывных устройств в подвале и текущую работу в своем кабинете на третьем этаже. И прежде чем покинуть институт, он направился в главную лабораторию на первом этаже и с минуту смотрел на ворота.

Ворота.

Пульт управления воротами с циферблатами, шкалами и графическими индикаторами мягко светился оранжевыми, желтыми и зелеными огнями, поскольку питание здесь никогда не отключалось. Ворота, едва различимые в полумраке, были цилиндрической формы, длиной двенадцать футов и диаметром восемь футов; кожух из нержавеющей стали тускло поблескивал в кругах света от стоявшего вдоль трех стен оборудования.

Штефан использовал ворота множество раз, но по-прежнему испытывал перед ними священный ужас, и не только потому, что они стали потрясающим научным прорывом, но и потому, что таили в себе безграничные потенциальные возможности для использования во зло. Нет, они отнюдь не были вратами в ад, но в руках нехороших людей могли стать таковыми. А сейчас они действительно находились в руках нехороших людей.

Поблагодарив Виктора за пирог и заверив его, что съел все до крошки, хотя на самом деле скормил большую часть животным, Штефан поехал к себе на квартиру.

Уже вторую ночь подряд на улице бушевала буря. Северо-западный ветер принес косой дождь. Вода из водосточных труб, пенясь, стекала на тротуар, капала с крыш, затапливала улицы, переполняла сточные канавы. И поскольку город был полностью погружен в темноту, лужи и черные потоки воды скорее походили на разлившуюся нефть. На улице было совсем мало военных. Одетые в темные непромокаемые плащи, они напоминали персонажей старого готического романа Брэма Стокера.

Штефан поехал домой прямым путем, уже не стараясь избежать встречи с полицейскими контрольно-пропускными пунктами. Его документы были в порядке, а разрешение нарушать

комендантский час – действительным, и он больше не перевозил взрывчатые вещества, полученные нелегальным путем.

Вернувшись домой, Штефан завел стоявший возле кровати будильник и тотчас же провалился в сон. Он отчаянно нуждался в отдыхе, потому что на следующий день ему предстояло совершить два тяжелейших путешествия и ликвидировать кучу народу. Если он не будет в полной боевой готовности, то может и сам схлопотать шальную пулю.

Ему снилась Лора, что он счел добрым знаком.

Глава 2

Негаснущее пламя

1

Лору Шейн с двенадцати до семнадцати лет носило по жизни, точно перекасти-поле по калифорнийским пустыням. На время останавливаясь то там, то сям в минуты затишья, она тотчас же срывалась с места, гонимая новым порывом ветра.

Родственников у нее не было, и она не могла остаться у Лэнсов, лучших друзей отца. Тому было шестьдесят два, Коре – пятьдесят семь. Несмотря на тридцать лет брака, они так и не смогли обзавестись детьми. Их страшила перспектива воспитывать маленькую девочку.

Лора все понимала и не держала на них зла. В тот августовский день, покидая дом Лэнсов в сопровождении дамы из агентства социального обеспечения округа Ориндж, Лора поцеловала Кору с Томом и заверила их, что у нее все будет хорошо. Она весело помахала им из окна автомобиля социального работника, надеясь, что ее отъезд станет для них абсолюцией.

Абсолюция. Последнее приобретение в ее словаре. Абсолюция: освобождение от предъявляемых требований, обязанностей или ответственности. Лоре хотелось гарантировать себе освобождение от обязанности блуждать по жизни без чуткого руководства любящего отца, освобождение от обязанности пронести по жизни память о нем.

От Лэнсов ее отвезли в сиротский приют Макилрой – хаотично спланированный старый викторианский особняк, состоящий из двадцати семи комнат. Особняк был сооружен для какого-то промышленного магната во времена сельскохозяйственного процветания округа Ориндж. Позднее особняк преобразовали в приют для временного содержания детей, которых социальные службы должны были передать приемным семьям.

Это заведение ничуть не походило на те сиротские приюты, о которых Лора читала в книгах. Во-первых, здесь не было добрых монахинь в летящих черных облачениях.

А еще здесь был Уилли Шинер.

Лора впервые увидела его вскоре после прибытия в приют, когда социальный работник миссис Боумен провожала ее в комнату, которую предстояло делить, как ей сказали, с близнецами Акерсон и девочкой по имени Тэмми. Шинер подметал шваброй кафельный пол в коридоре.

Уилли Шинер был сильным, жилистым, бледным, веснушчатым парнем лет тридцати с медно-рыжими волосами и зелеными глазами. Он улыбался и тихонько насвистывал во время работы.

– Как делишки, миссис Боумен?

– Отлично, Уилли. Отлично. – Ей явно нравился Уилли Шинер. – Это Лора Шейн. Новенькая. Лора, это мистер Шинер.

Шинер так пристально уставился на Лору, что у нее мурашки поползли по спине. Когда он наконец обрел дар речи, слова давались ему с явным трудом:

– Кхе-кхе... Добро пожаловать в Макилрой.

Пройдя дальше за социальным работником, она оглянулась и увидела, как Уилли Шинер незаметно для других положил руку на ширинку и принялся лениво массировать промежность.

Лора решила больше не оборачиваться.

Но уже позже, распаковывая свой скудный багаж, чтобы хоть как-то обжить спальню на третьем этаже, она повернулась и увидела в дверях Шинера. Девочка была одна, остальные дети или резвились на заднем дворе, или были в игровой комнате. Уилли Шинер улыбался,

но отнюдь не так, как он улыбался миссис Боумен: сейчас его улыбка была холодной, хищной. Падавший на порог луч света из двух маленьких окон отражался в зеленых глазах Шинера под таким углом, что они казались серебристыми, словно затянутые катарактной пленкой глаза мертвеца.

Лора хотела заговорить, но слова застряли в горле. Она попятилась, вжавшись в стену у своей кровати.

Он стоял неподвижно, опустив сжатые в кулаки руки.

В приюте Макилрой не было кондиционеров. Несмотря на открытые окна спальни, внутри стояла тропическая жара. Однако в пот Лору бросило только тогда, когда она, повернувшись, увидела Шинера. И ее футболка сразу намочила.

За окном кричали и смеялись дети. Совсем близко и в то же время так далеко.

Тяжелое, хриплое, ритмичное дыхание Шинера, участившись, стало громче.

Так продолжалось, казалось, целую вечность. Затем Шинер резко повернулся и вышел из комнаты.

Взмокшая от пота, Лора подошла на подгибающихся ногах к кровати и села на краешек. Заскрипели пружины продавленного матраса.

Когда сердцебиение слегка улеглось, она оглядела серые стены комнаты и совсем пала духом. В каждом углу было по узкой железной кровати с драными покрывалами из синели и свалявшимися подушками. К кроватям приткнулись выдавшие виды ночные столики с пластиковыми поверхностями, на которых стояли металлические настольные лампы. Два из восьми ящиков обшарпанного комода предназначались Лоре. Так же как и половина одного из двух платяных шкафов. Ветхие выцветшие занавески в жирных пятнах уныло свисали с ржавых карнизов. Весь дом рассыпался, трещал по швам, в воздухе стоял едва уловимый запах мерзости запустения, а еще по коридорам и комнатам бродил Уилли Шинер – злой дух в ожидании полнолуния, чтобы принять участие в кровавых играх.

Вечером после обеда близняшки Акерсон закрыли дверь в комнату и уговорили Лору устроиться вместе с ними на вытертом красно-коричневом ковре, где можно было сесть в кружок и посекретничать.

Еще одна соседка по комнате – странная, тихая, хрупкая блондинка по имени Тэмми – явно не собиралась к ним присоединяться. Подложив под спину подушки, Тэмми сидела на кровати и читала книжку, при этом она непрерывно грызла ногти, совсем как маленькая серая мышка.

Лоре сразу понравились Тельма и Рут Акерсон. Им только что исполнилось двенадцать. Они были лишь на несколько месяцев моложе Лоры, но очень смысленными для своего возраста. Близняшки осиротели в девять лет и уже три года жили в приюте. Найти приемных родителей для детей их возраста очень трудно, а тем более для близнецов, которые не хотели разлучаться.

Отнюдь не красавицы, они были потрясающе одинаково невзрачны: тусклые каштановые волосы, близорукие карие глаза, широкое лица, грубоватые подбородки, большие рты. Но несмотря на малопривлекательную наружность, близняшки оказались очень умными, энергичными и добродушными.

Рут надела голубую пижаму с темно-зеленым кантом на обшлагах и воротнике и голубые шлепанцы, волосы завязала конским хвостом, а Тельма – малиновую пижаму, пушистые желтые шлепанцы с пуговицами в виде глазок, волосы она оставила распущенными.

С наступлением темноты невыносимая дневная жара немного спала. Приют находился менее чем в десяти милях от Тихого океана, и океанский бриз обеспечивал спокойный ночной сон. Потоки прохладного воздуха, врываясь в открытые окна, раздували ветхие занавески и циркулировали по спальне.

– Летом здесь тоска смертная, – сказала Рут, когда девочки уселись в кружок на ковре. – Нас не выпускают за пределы приюта, а территория тут совсем маленькая. К тому же летом все наши благодетели заняты планированием отпусков, поездками на побережье и, следовательно, напрочь забывают о нас.

– А вот Рождество – это классно, – заметила Тельма.

– Ноябрь и декабрь – вообще классные, – сказала Рут.

– Ага, – вздохнула Тельма. – Каникулы – это всегда замечательно, потому что наши благодетели начинают испытывать муки совести из-за того, что имеют так много всего, особенно на фоне нас – нищих, оборванных, беспризорных детей, вынужденных носить пальто из газет, картонную обувь и питаться прошлогодней овсянкой. Поэтому они присылают нам целые корзины разного добра, водят нас по магазинам и в кино, хотя кино всегда дрянное.

– Ой, лично мне некоторые фильмы понравились, – возразила Рут.

– Ну, это такие фильмы, где никого никогда не взрывают. И никто никого не лапает. Они никогда не водят нас на фильмы, где парень трогает девчонку за сиськи. Короче, семейное кино. Скука, скука, скука!

– Прости мою сестру, – сказала Рут. – Она считает, что у нее вот-вот начнется пубертатный период...

– Значит, у меня вот-вот начнется пубертатный период?! Я чувствую, как во мне бродят жизненные соки! – Тельма вскинула над головой худенькую руку.

– Боюсь, ей явно не хватает направляющей родительской руки, – вставила Рут. – Она уже свыклась со своим сиротством.

– Прости мою сестру, – произнесла Тельма. – Она решила перескочить через пубертатный период и из детства прямиком попасть в старость.

– А как насчет этого Уилли Шинера?

Сестры Акерсон многозначительно переглянулись и, не сговариваясь, заговорили в унисон.

– Ой, он самый настоящий псих, – сказала Рут.

– Законченный мерзавец, – уточнила Тельма.

– Ему нужно лечиться, – добавила Рут.

– Нет, нужно хорошенько треснуть его бейсбольной битой по башке, раз десять, не меньше, а может, и двадцать и запереть до конца жизни в дурдоме.

Лора рассказала о появлении Шинера на пороге их спальни.

– А он ничего не говорил? – спросила Рут. – Это как-то подозрительно. Обычно он говорит: «Ты такая симпатичная малышка!» или...

– ...или предлагает тебе конфетку, – скривилась Тельма. – Нет, ты только представь?! Конфетку! Фу, как пошло! Этот подонок как будто начитался полицейских брошюр, предупреждающих детей об извращенцах.

– Никаких конфет. – Лора содрогнулась при воспоминании о тяжелом, хриплом, ритмичном дыхании Шинера.

Тельма наклонилась вперед и перешла на драматический шепот:

– Похоже, Белый Угорь проглотил язык, распалившись настолько, что забыл свой обычный текст. Лора, может, он всерьез на тебя запал.

– Белый Угорь?

– Шинер, – объяснила Рут. – А короче, просто Угорь.

– Бледный и скользкий, – сказала Тельма. – Ему это прозвище вполне подходит. Спорим, он на тебя действительно запал. Детка, я хочу сказать, что ты просто отпадная.

– Вовсе нет, – ответила Лора.

– Ты что, издеваешься?! – возмутилась Рут. – Твои темные волосы, большие глаза...

Лора, покраснев, запротестовала, на что Тельма сказала:

– Послушай, Шейн, блистательный дуэт сестер Акерсон – Рут и я – не переносит ложной скромности, так же как и хвастовства. Мы привыкли рубить сплеча. Мы знаем, в чем наша сила, и гордимся этим. Видит Бог, ни одной из нас не суждено выиграть конкурс на звание «Мисс Америка», но мы умны, очень умны и не будем это отрицать. А ты красавица, и кончай приbedняться.

– Моя сестра иногда чересчур прямолинейна и слишком цветисто выражается, – извиняющимся тоном произнесла Рут.

– А моя сестра, – парировала Тельма, – явно пробуетея на роль Мелани из «Унесенных ветром». – Она изобразила тягучий южный акцент и продолжила с наигранным сочувствием в голосе: – Ой, Скарлетт не имела в виду ничего плохого. Скарлетт на самом деле милая девушка. Впрочем, и Ретт в глубине души очень милый, и янки тоже, даже те, которые разграбили Тару, сожгли наши посевы и сшили сапоги из кожи наших младенцев.

Тельма так здорово играла, что Лора не выдержала и захихикала.

– Короче, Шейн, кончай строить из себя скромницу. Ты отпадная!

– Хорошо, хорошо. Я действительно... хорошенькая.

– Да ладно тебе! Когда Белый Угорь тебя увидел, то выпал в осадок.

– Ага, – согласилась Рут. – Ты его потрясла. Вот почему он не полез за конфеткой, которых у него полные карманы.

– Тоже мне конфеты! – фыркнула Тельма. – Пакетики «Эм-энд-эмс» и «Тутси ролл»!

– Лора, ты там поосторожнее, – предупредила Рут. – У него реально не все дома.

– Он явно с приветом! – заявила Тельма. – Помойная крыса!

Из дальнего угла спальни послышался тихий голос Тэмми:

– Зря вы на него наговариваете. Он вовсе не такой плохой.

Эта тихая, тоненькая, бесцветная блондиночка так старалась быть незаметной, что Лора напрочь про нее забыла. Но теперь она увидела, что Тэмми, отложив в сторону книгу, сидит, обняв себя за прижатые к груди костлявые коленки. Тэмми было десять лет, на два года меньше, чем ее соседкам по комнате, и выглядела она слишком маленькой для своего возраста. В белой ночной рубашке и носочках, Тэмми скорее походила на привидение, чем на реальную девочку.

– Он никого и пальцем не тронет, – дрожащим голосом неуверенно произнесла Тэмми, словно для нее высказать свое мнение о Шинере, и не только о нем, было равнозначно тому, чтобы пройти без страховки по туго натянутому канату.

– Держи карман шире! Еще как тронет, если будет знать, что это сойдет ему с рук, – заявила Рут.

– Он просто... – Тэмми прикусила губу. – Очень... одинокий.

– Нет, дорогуша! – отрезала Тельма. – Он не одинокий. И настолько самовлюбленный, что никогда не будет одиноким.

Тэмми поспешно отвернулась, встала с кровати, надела разношенные шлепанцы и пробормотала:

– Скоро отбой.

Взяв с прикроватного столика косметичку с туалетными принадлежностями, она шаркала из комнаты и, закрыв за собой дверь, направилась в душевую в конце коридора.

– Она берет у него конфеты, – объяснила Рут.

Лору захлестнула холодная волна отвращения.

– Ой, нет!

– Да, – подтвердила Тельма. – И вовсе не потому, что любит конфеты. Она... запуталась. Ей нужно то особое одобрение, которое она получает от Угря.

– Но почему? – удивилась Лора.

Рут с Тельмой снова переглянулись, молча, без лишних слов, обсудив проблему и буквально за секунду-другую придя к соглашению. В конце концов Рут со вздохом сказала:

– Видишь ли, Тэмми нуждается в таком одобрении, потому что... ее научил этому ее отец.

Лора подпрыгнула на месте:

– Родной отец?

– Не все дети в приюте Макилрой сироты, – объяснила Тельма. – Некоторые здесь из-за того, что их родители совершили преступления и отправились в тюрьму. А некоторые детишки подверглись домашнему насилию – физическому... или сексуальному.

Свежий воздух, проникающий сквозь открытые окна, скорее всего, стал лишь на два градуса холоднее, чем тогда, когда девочки еще только устроились кружком на ковре, но Лоре показалось, что в комнате подул пронизывающий осенний ветер, который, спутав времена года, проник в августовскую ночь.

– Но Тэмми ведь на самом деле не такая? – спросила Лора.

– Нет, не думаю, что она такая, – сказала Рут. – Но она...

– ...ничего не может с собой поделать, – продолжила Тельма. – Она запуталась.

Девочки замолчали, думая о том, о чем даже страшно подумать.

– Как странно и... как грустно, – наконец произнесла Лора. – А мы не можем это остановить? Например, пожаловаться на Шинера миссис Боумен или другому социальному работнику?

– Пустой номер, – ответила Тельма. – Угорь будет все отрицать, и Тэмми будет все отрицать, а у нас нет никаких доказательств.

– Но если она не единственный ребенок, которого он домогался, то кто-нибудь другой...

Рут решительно покачала головой:

– Большинство детей разъехались по приемным семьям, некоторых усыновили, кто-то вернулся в свою семью. Здесь остались лишь двое или трое, ставшие жертвой Угря... но они или такие, как Тэмми, или до смерти запуганы Угрем. Настолько запуганы, что боятся донести на него.

– А кроме того, – прервала сестру Тельма, – взрослые ничего не желают знать, не хотят заниматься такими вещами. О приюте может пойти дурная слава. И они боятся выглядеть дураками, потому что не видят ничего дальше собственного носа. Да и вообще, кто поверит детям? – Тельма передразнила миссис Боумен, настолько точно уловив ее фальшивые ноты, что Лора сразу поняла, о ком речь. – О, моя дорогая, это такие ужасные, лживые создания! Шумные, непослушные, надоедливые маленькие твари, способные ради забавы разрушить незапятнанную репутацию мистера Шинера. Дорогая моя, если бы мы могли держать их в бессознательном состоянии, накачав лекарствами, и кормить внутривенно, наша система стала бы куда более эффективной... да и для них было бы гораздо лучше.

– А потом с Угря снимут все обвинения, он вернется сюда на работу и заставит нас дорого заплатить за донос. Такое уже было раньше с другим извращенцем, который тут когда-то работал, с парнем, которого мы называли Хорек Фогель. Бедный Денни Дженкинс...

– Денни пожаловался на Хорька Фогеля. Сказал Боумен, что Хорек его растлевал. И еще двоих мальчиков. Хорька отстранили от работы. Но те два мальчика не подтвердили рассказ Денни. Боялись Хорька... и еще у них была нездоровая тяга к его одобрению. И когда Боумен с сотрудниками допрашивали Денни...

– Они забросали Денни вопросами с подвохом, чтобы его подловить. Он запутался, стал сам себе противоречить, и они заявили, что он все выдумал, – сердито сказала Рут.

– А Фогель вернулся сюда на работу, – закончила Тельма.

– Выждал время, – продолжила Рут, – а потом нашел способ отыграться на Денни. Он долго издевался над мальчиком, пока однажды... Денни не сорвался на крик, он все кричал,

кричал и не мог остановиться. Доктор сделал ему укол, после чего Денни увезли. Сказали: «Эмоционально неустойчивый». – Рут, казалось, вот-вот расплачется. – И больше мы его не видели.

Тельма положила руку сестре на плечо и, повернувшись к Лоре, сказала:

– Рут очень любила Денни. Он был славный парнишка. Маленький, застенчивый, милый... но у него не было шанса. Поэтому тебе следует дать отпор Белому Угрю. Он не должен видеть, что ты его боишься. Если он к тебе ползет, сразу ори. И лягни его промеж ног.

Тут из душевой вернулась Тэмми. Не глядя на девочек, она сняла шлепанцы и залезла под одеяло.

И хотя Лоре была омерзительна сама мысль о том, что Тэмми покорила Шинеру, чувство жалости к хрупкой беленькой девочке пересилило отвращение. Что может быть печальнее, чем вид маленькой, одинокой, запуганной девочки, лежащей на узкой продавленной кровати.

В ту ночь Лоре приснился Шинер. Голова у него была человеческой, а тело – как у белого угря, и, куда бы Лора ни бежала, Шинер скользил за ней. Извивался, проползал под дверями, преодолевая все преграды.

2

Пытаясь подавить чувство гадливости от увиденного, Штефан вернулся из главной лаборатории института в свой кабинет на третьем этаже. Сел за письменный стол и стиснул голову руками, трясаясь от злости и ужаса.

Этот рыжий ублюдок Уилли Шинер собирался неоднократно насиловать Лору, избивать ее до полусмерти и психологически травмировать так, что ей уже никогда не оправиться. И это не было предположением: Шинер непременно добьется своего, если Штефан не предпримет нужных мер, чтобы предотвратить катастрофу. Штефан видел последствия: покрытое кровоподтеками лицо Лоры, изуродованный рот. Но хуже всего были ее глаза: тусклые и безжизненные – глаза ребенка, не способного больше радоваться жизни и надеяться.

Холодный дождь барабанил по окнам кабинета, и этот глухой звук, казалось, вибрировал в теле Штефана, словно ужасы, свидетелем которых он стал, выжгли его изнутри, оставив пустую оболочку.

Штефан спас Лору от наркомана в бакалейной лавке ее отца, но девочку подстерегал уже другой педофил. Из экспериментов, проводимых в институте, Штефан понял, что изменять будущее не всегда просто. Судьба всегда стремится восстановить предначертанный ход событий. Возможно, изнасилование и психологические травмы предопределены Лоре судьбой, а значит, рано или поздно это случится и Штефан не сможет предотвратить неизбежное. Возможно, он не сумеет спасти ее от Уилли Шинера, возможно, если Штефан помешает Шинеру, то на пути Лоры встанет другой насильник. Но сдаваться было нельзя.

Эти безжизненные, потухшие глаза...

3

В приюте Макилрой содержалось семьдесят шесть детей, причем не старше двенадцати лет, так как по достижении тринадцати лет их переводили Касвелл-Холл в Анахайме. Обшитая дубовыми панелями столовая вмещала только сорок человек, поэтому детей кормили в две смены. Лора ела во вторую смену, вместе с близняшками Акерсон.

Стоявшая в очереди к раздаточному прилавку между Тельмой и Рут, Лора сразу заметила, что Уилли Шинер был в числе четырех человек, работавших на раздаче. Шинер проверял запасы молока и щипцами выкладывал на тарелки сладкие булочки.

И пока Лора двигалась вместе с очередью вдоль прилавка, Угорь больше смотрел на нее, чем на детей, которых обслуживал.

– Не позволяй ему себя запугать, – прошептала Тельма.

Лора старалась смело встретить взгляд Шинера, ответив на его вызов, но первой отводила глаза.

Когда она дошла до места раздачи Шинера, тот сказал:

– Доброе утро, Лора.

И положил ей на поднос сладкую булочку, припасенную специально для нее. Булочка была вдвое больше других, с вишенками и глазурью.

В четверг, на третий день пребывания Лоры в приюте, ей предстояло пережить беседу с миссис Боумен в ее кабинете на первом этаже на тему адаптации к приютской жизни. Этта Боумен была дородной женщиной, предпочитавшей носить цветастые платья. Она с важным видом изрекала избитые фразы и банальности тем напыщенно фальшивым тоном, который безошибочно спародировала Тельма. А еще миссис Боумен задавала кучу вопросов, честные ответы на которые ее, в сущности, совершенно не интересовали. Лора соврала, сказав, что ей ужасно нравится в приюте Макилрой, и эта ложь чрезвычайно порадовала миссис Боумен.

Когда Лора возвращалась в свою спальню на третьем этаже, на лестнице северного крыла дома она столкнулась с Угрем. Свернув на площадку второго этажа, Лора увидела, что Угорь протирает тряпкой дубовые перила следующего лестничного марша. На ступеньке возле него стояла закрытая бутылка полироли.

Девочка оцепенела, у нее участилось сердцебиение, так как она сразу поняла, что Угорь устроил на нее засаду. Он знал, что Лору вызвали в кабинет миссис Боумен, и верно рассчитал, что девочка воспользуется ближайшей лестницей.

Они были одни. В любое время по лестнице мог пройти ребенок или сотрудник приюта, но сейчас они были одни.

Первым порывом Лоры было отступить и подняться по лестнице южного крыла, но она вспомнила слова Тельмы о том, что нужно дать отпор Угрю, поскольку такие, как он, охотятся только на слабых. Конечно, самым правильным было пройти мимо него, не говоря ни слова, но ноги будто приросли к ступенькам, и Лора не могла двинуться с места.

Посмотрев на девочку с высоты нескольких ступенек, Угорь улыбнулся кошмарной улыбкой. Бледная кожа, бесцветные губы, кривые желтые зубы в коричневых пятнах, как кожура переспелого банана. Лицо Угря под копной непослушных медно-рыжих волос напоминало клоунскую маску, но не циркового клоуна, а клоуна, с которым можно столкнуться в Хеллоуин, клоуна не с бутылкой минералки, а с бензопилой.

– Лора, ты очень хорошенькая маленькая девочка. – (Лора попыталась послать его к черту, но язык прилип к гортани.) – Мне бы хотелось стать твоим другом.

Каким-то чудом ей удалось собраться с духом и начать подниматься по лестнице.

Угорь улыбнулся еще шире, вероятно решив, что Лора принимает его дружбу. Он сунул руку в карман штанов цвета хаки и вытащил пригоршню «Тутси ролл».

Лора вспомнила насмешливую оценку Тельмы тупых и примитивных уловок Угря, и внезапно страх отступил. Шинер, с его похотливой улыбкой и карамельками, вдруг показался комической фигурой, пародией на зло. Лору так и подмывало громко расхохотаться, но она сразу вспомнила, что он сделал с Тэмми и другими девочками. И все же нелепая внешность и идиотские повадки Угря придали Лоре смелости подняться по лестнице, обогнув его.

Поняв, что Лора не собирается брать конфеты и не реагирует на предложение дружить, Шинер положил ей руку на плечо, чтобы остановить.

Лора сердито скинула его руку:

– Не смей прикасаться ко мне, урод!

Она стала поспешно подниматься по лестнице, борясь с искушением броситься бежать. Если она побежит, он сразу поймет, что ему все-таки удалось ее запугать. Нет, она не должна демонстрировать ни намека на слабость, ведь слабость – это побудительный мотив для продолжения сексуальных домогательств.

И когда до лестничной площадки оставались только две ступеньки, Лора позволила себе поверить, что победила, впечатлив Угря своей отвагой. И тут она услышала отчетливый звук расстегиваемой молнии и громкий шепот у себя за спиной:

– Эй, Лора, погляди на это! Погляди, что у меня есть для тебя! – В его голосе звучали безумные, омерзительные нотки. – Лора, посмотри, что у меня в руке.

Но Лора не оглянулась.

Достигнув лестничной площадки, Лора продолжила подниматься по лестнице, упрямо повторяя про себя: «Не смей бежать, только не беги, не беги!»

Угорь, стоявший на один лестничный марш ниже ее, продолжал горячо шептать:

– Лора, посмотри на большую карамельку у меня в руке. Она гораздо больше, чем остальные.

Добравшись до третьего этажа, девочка поспешила прямо в душевую, где принялась яростно отскребать ладони. Ей казалось, что она запачкалась, стряхивая с плеча руку Угря.

Уже позже, когда она и близняшки Акерсон устроили очередные посиделки на полу комнаты, Тельма валялась со смеху после рассказа Лоры о том, как Угорь уговаривал ее поглядеть на его большую карамельку.

– Нет, он просто что-то с чем-то! Интересно, откуда он берет такие фразы? Неужели «Даблдей» публикует Справочник основных приемов для извращенцев или типа того?

– Беда в том, – озабоченно произнесла Рут, – что он не отстал, когда Лора дала ему отпор. Боюсь, он так легко не отвяжется, как в случае с другими непокорными девочками.

В ту ночь Лора заснула с трудом. Она думала о своем ангеле-хранителе, невольно задавая себе вопрос: появится ли он сейчас самым чудесным образом, чтобы разобраться с Уилли Шинером? Но внутренний голос подсказывал, что не стоит на него рассчитывать.

Следующие десять дней, по мере того как август шел на убыль, Угорь тенью следовал за Лорой, как Луна следует за Землей. Когда они с сестрами Акерсон отправлялись в игровую комнату поиграть в карты или в «Монополию», Шинер появлялся там буквально через десять минут и с показным рвением принимался мыть окна, или полировать мебель, или чинить карниз для штор, при этом не сводя глаз с Лоры. Если девочки прятались в уголке спортивной площадки за домом, чтобы поболтать или сыграть в свою игру, Шинер был тут как тут и срочно начинал стричь или подкармливать кусты. И хотя третий этаж предназначался только для девочек, мужскому персоналу разрешалось заходить туда для уборки и ремонта по будням с десяти утра до четырех дня, так что в эти часы Лора не чувствовала себя в безопасности даже в своей комнате.

Но еще хуже настойчивости Угря было то, с какой пугающей скоростью разгоралась его темная страсть к Лоре. О неуголенной похоти Шинера говорили его все более настойчивые взгляды и кислый запах пота, шибавший в нос всякий раз, когда Угорь оставался с ней в одном помещении дольше чем на несколько минут.

Когда он никак не проявлял себя, Лора, Рут и Тельма пытались убедить себя, будто исходящая от этого извращенца опасность уменьшается с каждым днем, а его неуверенность является свидетельством того, что Лора ему явно не по зубам. В глубине души девочки понимали, что надеялись убить дракона одной лишь силой желаний, и тем не менее они в полной мере не осознавали нависшей угрозы, пока одним субботним днем в конце августа, вернувшись к себе в спальню, не увидели, как Тэмми в порыве патологической ревности уничтожает библиотеку Лоры.

Ее библиотека, состоявшая из пятидесяти книг в бумажной обложке – самых любимых книг, которые Лора привезла с собой из квартирки над бакалейным магазином, – хранилась под кроватью. Тэмми вытащила книги на середину комнаты и в приступе ярости успела разорвать две трети из них.

Лора оцепенела от потрясения, но Рут с Тельмой оттащили Тэмми от груды книг и схватили за руки.

Возможно, потому, что это были любимые книги Лоры, возможно, потому, что их купил ей папа и они незримо связывали ее с ним, но в основном потому, что у Лоры так мало было своего, она крайне болезненно восприняла случившееся. Скучные пожитки не представляли никакой ценности, но для Лоры они были чем-то вроде крепостного вала, защищавшего ее от жестокой жизни.

Поняв, что истинный объект ее ярости стоит прямо перед ней, Тэмми сразу потеряла интерес к книгам:

– Я тебя ненавижу! Ненавижу!

Бледное худое личико Тэмми, оживившееся впервые за все это время, покраснелось и исказилось от наплыва чувств. Она, с привычными синяками под глазами, больше не выглядела болезненно хрупкой, а казалась необузданной и дикой.

– Тэмми, дорогая! – Тельма схватила впавшую в ярость девочку. – Лора тебе ничего плохого не сделала!

Тяжело дыша, но уже не пытаясь вырваться из цепкой хватки Тельмы и Рут, Тэмми крикнула Лоре:

– Он только о тебе и твердит! Я ему больше не нужна! Только ты, ты и ты! У него на уме только ты! Я тебя ненавижу! И зачем только ты приехала сюда?! Я тебя ненавижу! – (Можно было не спрашивать, кого имела в виду Тэмми. Конечно Угря.) – Он больше меня не хочет, никому я не нужна, я нужна ему лишь для того, чтобы добраться до тебя! Только Лора, Лора, Лора! Он хочет, чтобы я заманила тебя в какое-нибудь место, где ты будешь одна и ему никто не помешает, но я этого не сделаю, не сделаю! А что я буду иметь, когда он тебя получит?! Ничего. – Ее лицо побагровело от ярости, но еще страшнее было таившееся за ней отчаяние.

Выскочив из комнаты, Лора опрометью бросилась по длинному коридору в туалет. Ее тошнило от страха и омерзения. Она встала на колени на растрескавшуюся желтую плитку перед одним из унитазов, и ее вырвало. Затем подошла к раковине, прополоскала рот, плеснула холодной воды на лицо. Подняла голову, посмотрела на себя в зеркало и наконец расплакалась.

Но вовсе не страх и не одиночество были причиной ее слез. Лора плакала из-за Тэмми. Каким же невыносимо безжалостным должен был быть этот мир, если жизнь десятилетней девочки оказалась настолько обесценена, что единственные слова одобрения из уст взрослого исходили от совратившего ее маньяка, а единственной ценностью, которой она могла гордиться, стали недоразвитые интимные части ее щуплого детского тельца?!

Лора поняла, что положение Тэмми гораздо хуже, чем ее. У Лоры, пусть даже лишившейся книг, оставались сладкие воспоминания о любящем, добром, ласковом отце, которого Тэмми никогда не имела. Несмотря на потерю дорогих ее сердцу вещей, Лора сохраняла ясность ума, тогда как психика Тэмми была искалечена, и, похоже, навсегда.

4

Шинер жил в бунгало на тихой улочке Санта-Аны. Этот пригородный район был построен после Второй мировой войны: маленькие аккуратные домики с необычными архитектурными деталями. И сейчас, осенью 1967 года, ветви разросшихся фикусовых деревьев распростерлись над крышами домов. Бунгало, где жил Шинер, было к тому же окружено зарослями азалии, мирта и покрыто красными цветами гибискуса.

Около полуночи Штефан, открыв замок задней двери пластмассовой полоской, проник в бунгало. Обследуя дом, он смело включал свет, не удосуживаясь задернуть шторы.

Кухня буквально ослепляла безукоризненной чистотой. Голубые пластиковые столешницы сверкали. На блестящих хромированных ручках кухонных принадлежностей, кухонном кране и металлических каркасах стульев не было ни пятнышка.

Штефан открыл холодильник, сам толком не зная, что хочет там увидеть. Может, свидетельства патологических наклонностей Уилли Шинера: очередную жертву изнасилования, убитую и замороженную в память о его извращенной страсти? Но ничего драматического там не оказалось. И все же одержимость порядком была налицо: вся еда хранилась в одинаковых пластмассовых контейнерах.

Единственная странность содержимого холодильника и кухонных шкафов состояла в преобладании там сладостей: мороженого, пирожных, конфет, пирогов, пончиков, даже крекеров для животных. Было там и огромное количество новинок типа спагетти в банках и консервированных овощных супов с пастой в виде популярных мультипликационных персонажей. А кладовка Шинера выглядела так, будто продукты закупал ребенок с деньгами, но без призора со стороны взрослых.

Штефан направился вглубь дома.

5

Стычка из-за разодранных книжек лишила Тэмми последних душевных сил, которых и так-то было не слишком много. Она больше не говорила о Шинере и, казалось, не держала зла на Лору. С каждым днем Тэмми все больше уходила в себя, ни на кого не смотрела, ходила с низко опущенной головой, говорила все тише и тише.

Лора даже не знала, что хуже: ощущать исходящую от Угря постоянную угрозу или смотреть, как день ото дня чахнет Тэмми, постепенно впадая в состояние, близкое к кататонии. Но в четверг, 31 августа груз переживаний по обоим поводам неожиданно упал с души Лоры. Она узнала, что буквально завтра, то есть в пятницу, ее переводят в приемную семью в Коста-Месу.

И все же Лоре было жаль расставаться с близняшками Акерсон. И хотя они были знакомы всего несколько недель, дружба, закаленная в боях, быстрее крепнет и оказывается более долговечной, чем рожденная в обычных условиях.

В тот вечер, когда подруги снова уселись в кружок на полу спальни, Тельма сказала:

– Шейн, если попадешь в дружную семью, к хорошим людям, устраивайся поудобнее и получай удовольствие. Не думай о нас, заведи новых друзей, живи своей жизнью. Но несравненные сестры Акерсон, Рут и я, уже прошли через жернова этой мельницы – мы были в трех плохих приемных семьях, – поэтому послушай моего совета: если попадешь в паршивое место, тебе вовсе не нужно там оставаться.

А Рут добавила:

– Нужно только побольше рыдать и показывать всем, какая ты несчастная. Если не можешь плакать, тогда делай вид.

– Дуйся, – посоветовала Тельма. – Будь недотепой. Станешь мыть посуду, непременно разбей тарелку. И действуй всем на нервы.

– Неужели вы все это проделали, чтобы вернуться в Макилрой? – удивилась Лора.

– И даже больше, – заверила ее Рут.

– А разве не стыдно бить чужую посуду?

– Ну, Рут было труднее, чем мне, – сказала Тельма. – Я еще та бестия, а вот в Рут вселилась душа тихой сентиментальной монахини из четырнадцатого века, имя которой мы пока не установили.

Уже через день Лора поняла, что не хочет оставаться под опекой семьи Тиджел, но попыталась приноровиться, решив, что уж лучше терпеть их общество, чем возвращаться в Макилрой.

Реальная жизнь была лишь неясным фоном для Флоры Тиджел, поскольку ее интересовали только кроссворды. С утра до вечера она сидела в своей желтой кухне, независимо от погоды кутаясь в шерстяную кофту и перелопачивая книжки с кроссвордами с упорством, достойным лучшего применения.

К Лоре она обращалась исключительно для того, чтобы дать ей поручение по дому и попросить помочь разгадать трудное слово. Так, например, когда Лора, стоя у раковины, мыла посуду, Флора могла сказать:

– Семейство кошачьих из семи букв?

На что Лора неизменно отвечала:

– Не знаю.

– Не знаю, не знаю, не знаю, – передразнивала ее миссис Тиджел. – Ты, девочка, похоже, вообще ничего не знаешь. Ты что, на уроках ворон считаешь? Неужели тебя не интересует язык и слова?

На самом деле Лору завораживали слова. Для нее слова были чем-то прекрасным, каждое слово казалось волшебным порошком или магическим зельем, которое в сочетании с другими словами могло создавать колдовские чары. Но для Флоры Тиджел слова были лишь фишками в игре, необходимыми, чтобы заполнить пустые клетки головоломки, ускользящим скоплением букв, которое ее раздражало и расстраивало.

Муж Флоры Майк, коренастый мужчина с детским лицом, работал водителем грузовика. По вечерам он обычно сидел в кресле, углубившись в «Нэшнл инквайрер» или в другой таблоид, поглощая бесполезные факты из сомнительных статей о встречах с инопланетянами или о поклоняющихся дьяволу кинозвездах. Его страсть к так называемым экзотическим новостям была бы абсолютно безобидна, не будь она столь же всепоглощающей, как у его жены. И когда Лора работала по дому или пыталась делать уроки, воспользовавшись редкой свободной минуткой, Майк непременно старался ее отвлечь, зачитывая вслух самые бредовые статьи.

Лора находила статьи из таблоидов тупыми, нелогичными и бессмысленными, но не осмеливалась сказать это Майку в лицо. Она давно поняла, что Майк отнюдь не оскорбится, скажи она, что все его газеты – мусор. Нет, он, наоборот, отнесется к этому с сочувствием, а затем менторским тоном всезнайки, типичным для напичканных информацией, но невежественных людей, станет занудно объяснять, как устроен мир. И так до бесконечности. Снова и снова.

– Лора, тебе еще многому нужно научиться. Большие шишки, которые заправляют у себя в Вашингтоне, знают все об инопланетянах и секретах Атлантиды...

И хотя Флора с Майком были совершенно разными людьми, они оба искренне считали, что ребенок из приюта – это в первую очередь бесплатная прислуга, обязанная убирать, стирать, гладить и стряпать.

Их единственная родная дочь Хейзел была на два года старше Лоры и избалована до предела. Хейзел никогда не готовила, не мыла посуду, не стирала и не убирала дом. В свои четырнадцать лет она делала маникюр и красила ногти на руках и ногах. А если вычесть из ее четырнадцати годков число часов, которые она провела, прихорашиваясь перед зеркалом, то можно было смело считать, что ей всего пять лет.

– После стирки, – объяснила она Лоре, как только та появилась в доме Тиджелов, – ты должна в первую очередь гладить мою одежду. А в шкаф ее нужно вешать строго по цветам.

«Я ведь уже когда-то читала эту книгу и даже видела фильм, – подумала Лора. – Господи, выходит, я получила роль Золушки!»

– Я собираюсь быть кинозвездой или моделью, – заявила Хейзел. – А значит, мои лицо, руки и фигура – залог моего будущего.

Когда в субботу, 16 сентября социальный работник миссис Инс, тощая дама с лицом гончей, нанесла плановый визит Тиджелам, Лора твердо решила попроситься обратно в приют. Опасность в лице Уилли Шинера померкла на фоне перспективы повседневной жизни с Тиджелами.

Миссис Инс, прибывшая в точно назначенное время, застала Флору за мытьем посуды, что случилось впервые за две недели. Лора сидела за кухонным столом, очевидно решая кроссворд, который ей всучили, когда позвонили в дверь.

Во время беседы с Лорой с глазу на глаз в ее комнате миссис Инс отказалась верить, что девочку завалили работой по дому.

– Но, милочка, мистер и миссис Тиджел – образцовые приемные родители. Да и ты не слишком похожа на человека, изнуренного работой. Ты вроде даже набрала пару фунтов.

– Я и не говорю, что они морят меня голодом, – ответила Лора. – Но мне совсем некогда делать уроки. И каждый вечер я ложусь спать очень уставшей...

– А кроме того, – перебила Лору миссис Инс, – приемные родители должны не только предоставить ребенку кров, но и заниматься его воспитанием, то есть учить приличным манерам и хорошему поведению, прививать ему правильные жизненные ценности и рабочие навыки.

Миссис Инс была безнадежна.

Тогда Лора решила воспользоваться планом сестер Акерсон по избавлению от нежелательной приемной семьи. Лора начала убираться спустя рукава. Оставляла грязные пятна и разводы на вымытой посуде. Заглаживала заломы на платьях Хейзел.

Уничтожение ее скромного собрания книг научило Лору относиться с уважением к чужим вещам: она не могла позволить себе бить посуду и портить принадлежащие Тиджелам вещи. В связи с чем эту часть плана сестер Акерсон Лора заменила непочтительным и вызывающим поведением. Так, например, Флора, решая кроссворд, спрашивала ее, какое слово из шести букв означает вид быка, на что Лора отвечала: «Тиджел». А когда Майк пытался пересказать ей статью о летающих тарелках из «Нэшнл инквайер», Лора перебивала его байкой о людях-мутантах, втайне от всех живущих в местном супермаркете. Что касается Хейзел, то Лора предложила ей прорваться в шоу-бизнес, став дублером Эрнеста Боргнайна:

– Хейзел, ведь ты его точная копия! Он просто обязан взять тебя на работу!

За столь наглое поведение Лору ждала немедленная расплата. Майк, с его большими, мозолистыми ладонями, не нуждался в подручных средствах. Он с размаху отшлепал Лору пониже спины, однако девочка, закусив губу, терпела порку, чтобы не доставить ему удовольствия видеть ее слезы. Флора, наблюдавшая за происходящим с порога кухни, сказала:

– Майк, довольно. Могут остаться следы.

Но Майк неохотно прекратил экзекуцию лишь тогда, когда Флора, войдя в комнату, схватила его за руку.

В ту ночь Лоре не спалось. Впервые в жизни она использовала на практике свою любовь к словам, силу языка, чтобы добиться желаемого результата, и реакция Тиджелов стала доказательством того, что слово – весьма эффективное оружие. Однако более волнующей оказалась еще не вполне сформировавшаяся мысль, несколько неожиданная, а потому не додуманная до конца, что она, Лора, может не только защищаться с помощью слов, но и проложить благодаря им свой жизненный путь, возможно став автором книг вроде тех, которые она всегда так любила. Она говорила с папой, что может стать доктором, балериной, ветеринаром, но то были просто разговоры. Ни одна из этих профессий не была пределом ее мечтаний и не возбуждала так сильно, как перспектива стать писателем.

На следующее утро, спустившись на кухню, где уже завтракало семейство Тиджел, Лора сказала:

– Привет, Майк! Я только что обнаружила, что у нас в бачке унитаза поселился разумный кальмар с Марса.

– А это еще что такое?! – возмутился Майк.

– Экзотические новости, – с улыбкой ответила Лора.

Через два дня Лору вернули в приют Макилрой.

6

Гостиная и кабинет Уилли Шинера были обставлены, как у обычных людей. Штефан и сам толком не знал, что именно рассчитывал там увидеть. Одна из спален пустовала, а вот вторая определенно выглядела странно. Единственной постелью был узкий матрас на полу. Наволочки и простыни явно предназначались для детской комнаты, поскольку были украшены принтом с комичными мультяшными кроликами. Прикроватный столик и комод были детского размера, бледно-голубые, с нарисованными на них жирафами, кроликами и белочками. У Шинера имелось целое собрание детских книг из популярной серии «Литл голден букс», а также другие детские книжки с картинками, плюшевые животные и игрушки для шестилетних или семилетних малышей.

Поначалу Штефан решил, что комната предназначена для соблазнения соседских детей и Шинер, с его психической неустойчивостью, невзирая на высокие риски, ищет жертву даже около дома, то есть на своей территории. Но в доме не было другой кровати, а шкаф и ящики комода были забиты мужской одеждой. На стенах висело с десяток фотографий в рамках одного и того же рыжеволосого мальчика, на одних его запечатлели еще малышом, на других – ребенком лет семи-восьми. Это были, несомненно, детские фотографии Уилли Шинера. Постепенно до Штефана дошло, что спальня, оформленная столь эксцентричным образом, предназначалась исключительно для Уилли Шинера. Этот извращенец спал именно здесь. В ночное время Шинер, несомненно, возвращался в фантазии своего детства, очевидно отчаянно нуждаясь в покое, который ему давало это жуткое возвращение в далекое прошлое.

Стоя в центре этой странной комнаты, Штефан чувствовал грусть и одновременно отвращение. Похоже, Шинер растлевал детей не только ради удовлетворения похоти и получения острых ощущений, а в первую очередь ради того, чтобы впитать в себя их юность и стать, как они, снова молодым. Извращения были для него не моральным падением, а попыткой вернуть утраченную невинность. Он был одновременно и жалок, и отвратителен. Не в силах адекватно реагировать на вызовы взрослой жизни, он представлял опасность именно из-за этой своей неадекватности.

Штефана передернуло.

7

Ее койку в комнате сестер Акерсон теперь занимала другая девочка. Лору поселили в маленькую комнату с двумя кроватями, расположенную в северном крыле третьего этажа рядом с лестницей. Лориной соседкой по комнате оказалась девятилетняя Элоиза Фишер, веснушчатая девочка с двумя косичками, слишком серьезная для маленького ребенка.

– Когда я вырасту, то стану бухгалтером, – сказала Элоиза Лоре. – Обожаю цифры. Ты можешь складывать разные цифры столбиком и получать тот же самый результат.

Родители Элоизы сидели в тюрьме за наркоторговлю, и теперь суд решал, кому из родственников предоставить опеку над Элоизой, которую на это время отправили в приют.

Не успев распаковать вещи, Лора бросилась в комнату сестер Акерсон и ворвалась туда с криками:

– Я свободна! Я свободна!

Тэмми и новая девочка отреагировали на появление Лоры совершенно равнодушно, но Рут с Тельмой задушили подругу в объятиях. Все это было похоже на возвращение домой, совсем как в настоящей семье.

– Твоя приемная семья тебя невзлюбила, да? – спросила Рут.

После чего Тельма воскликнула:

– Ага, похоже, ты воспользовалась планом сестер Акерсон!

– Нет, просто убила их всех, пока они спали.

– Ну, иногда это тоже работает, – согласилась Тельма.

Новой девочке Ребекке Богнер было лет одиннадцать. И сестры Акерсон ей явно не нравились. Прислушиваясь к болтовне Лоры с близняшками, Ребекка то и дело твердила «странные какие» или «слишком странные» и «больные на всю голову!» с таким снисходительным и презрительным видом, что отравляла атмосферу в комнате не хуже радиации при ядерном взрыве.

Лора и близнецы отошли в уголок спортивной площадки, где могли поделиться новостями за прошедшие пять недель без презрительных комментариев Ребекки. Сейчас, в начале октября, на улице было довольно тепло, хотя после пяти вечера начинало потихоньку холодать. Девочки, одетые в куртки, сидели на нижних перекладинах конструкции для лазания, которую уже успели оставить дети помладше, ушедшие приводить себя в порядок перед ранним обедом. Не прошло и пяти минут, как возле них появился Уилли Шинер с электрическим триммером для кустарника. Шинер, не сводя глаз с Лоры, начал подстригать заросли мирта в тридцати футах от девочек.

За обедом Угорь стоял на раздаче в столовой, передавая картонки с молоком и куски вишневого пирога. Самый большой кусок он припас для Лоры.

В понедельник Лора пошла в новую школу, где остальные дети, проучившиеся четыре недели, уже успели подружиться. На некоторых уроках Лора встречалась с близняшками Акерсон, что как-никак помогало приспособиться, но Лоре вскоре напомнили, что сироте не приходится рассчитывать на стабильность.

Во вторник днем, когда она вернулась из школы, миссис Боумен остановила ее в холле:

– Лора, ты не могла бы зайти ко мне в кабинет?

На миссис Боумен было фиолетовое платье в цветочек, диссонировавшее с персиково-розовым цветочным орнаментом штор и обоев. Лора села на стул, обитый тканью с розочками. Миссис Боумен, собиравшаяся быстро закрутиться с Лорой и перейти к другим делам, осталась стоять у письменного стола. Миссис Боумен была суетливой и очень-очень деловой.

– Элоиза Фишер оставила сегодня наше заведение, – сообщила она.

– А кто получил опеку? – спросила Лора. – Она хотела жить с бабушкой.

– Да, опеку получила бабушка, – подтвердила миссис Боумен.

Что ж, очень хорошо для Элоизы. Лоре хотелось верить, что веснушчатая будущая бухгалтер с косичками найдет на кого опереться, кроме холодных цифр.

– Теперь у тебя нет соседки по комнате, – отрывисто произнесла миссис Боумен, – а свободных коек у нас нет. Поэтому ты можешь переехать к...

– А могу я выдвинуть свое предложение? – Миссис Боумен недовольно нахмурилась и посмотрела на часы, и Лора поспешно проговорила: – Рут и Тельма – мои лучшие подруги, и они делят комнату с Тэмми и Ребеккой Богнер. Но мне кажется, что Тэмми и Ребекка не ладят с сестрами Акерсон, поэтому...

– Мы хотим, чтобы вы, дети, научились уживаться с непохожими на вас людьми. И если мы поселим тебя с девочками, которые тебе нравятся, ты не сможешь выработать твердый характер. В любом случае дело в том, что я не смогу сделать перестановку до завтрашнего дня. Сегодня я слишком занята. Поэтому мне хотелось бы знать, можно ли на тебя положиться и оставить на ночь одну в той комнате, где ты сейчас.

– Положиться на меня? – удивленно переспросила Лора.

– Итак, скажи прямо, юная леди. Можно ли доверить тебе переночевать в одиночестве?

Лора не могла понять, каких неприятностей может ждать социальный работник от ребенка, оставленного одного на ночь. Возможно, миссис Боумен боялась, что Лора забаррикадируется в своей комнате и полиции придется взрывать дверь, нейтрализовать Лору слезоточивым газом, чтобы вывести наружу в наручники.

Лора была не только озадачена, но и оскорблена.

– Ну конечно, со мной все будет в порядке. Я же не грудной младенец. Все будет отлично.

– Что ж... тогда хорошо. Сегодня ты переночуешь одна, а завтра мы что-нибудь придумаем.

Выйдя из цветастого кабинета миссис Боумен в тусклый коридор, Лора начала подниматься по лестнице на третий этаж, и тут она вспомнила о Белом Угре. Шинер наверняка узнает, что сегодня она ночует одна в комнате. Он знал обо всем, что происходит в приюте, у него были ключи, а значит, имелась возможность вернуться ночью. Комната Лоры находилась рядом с лестницей северного крыла здания, поэтому он мог, незаметно поднявшись на третий этаж, в считанные секунды проникнуть в комнату Лоры и накинуться на нее. Он может ударить ее или вколоть ей наркотик, засунуть в мешок, затем утащить прочь, запереть в подвале, и никто никогда не узнает, что с ней на самом деле случилось.

На площадке второго этажа Лора круто развернулась и начала спускаться, перепрыгивая сразу через две ступеньки, после чего кинулась обратно к кабинету миссис Боумен, но, завернув за угол коридора, едва не столкнулась с Угрем. Он тащил за собой швабру и ведро на колесах, в котором была вода с моющим средством с сосновой отдушкой.

Угорь ухмыльнулся Лоре. Возможно, это была игра воображения, но Лора не сомневалась: Угорь знает, что сегодня она ночует одна.

Конечно, следовало, не обращая на него внимания, пойти прямо к миссис Боумен и умолить перевести ее, Лору, на ночь в другую комнату. Лора не могла выдвинуть обвинения против Шинера, поскольку тогда ее ждала бы судьба Денни Дженкинса – ей не поверят сотрудники приюта, и возмездие будет неотвратимо, – но она могла найти подходящее объяснение для миссис Боумен, почему испугалась ночевать одна.

Лора даже начала подумывать о том, чтобы налететь на Шинера, надеть ему на голову ведро, сбить с ног и сказать этому извращенцу, что она круче, чем он, и ему лучше с ней не связываться. Но Угорь отличался от Тиджелов. Майк, Флора и Хейзел были ограниченными, надоедливymi, невежественными, но относительно нормальными. А Угорь был настоящим психом, и Лора не могла предугадать, как он отреагирует на внезапную атаку.

И пока она колебалась, Угорь ухмыльнулся еще шире, показав все свои кривые желтые зубы.

Его бледные щеки слегка порозовели, очевидно, от прилива похоти. Лору затошнило.

Она ускорила шаг, собираясь пуститься в бегство сразу, как исчезнет из поля зрения Угря. После чего со всех ног помчалась в комнату сестер Акерсон.

– Ты будешь спать сегодня с нами, – заявила Рут.

– Правда, до вечернего обхода тебе, естественно, придется остаться в своей спальне, а после обхода потихоньку проберешься к нам.

Ребекка Богнер, сидевшая на кровати в углу с тетрадкой по математике, сказала:

– Но у нас только четыре кровати.

– Я буду спать на полу, – ответила Лора.

– Это против правил, – возразила Ребекка.

Тельма, показав Ребекке кулак, обожгла ее яростным взглядом.

– Ну ладно, хорошо, хорошо, – согласилась Ребекка. – Я ведь не говорю, что не хочу, чтобы она у нас осталась. А просто обратила ваше внимание, что это против правил.

Лора ожидала, что Тэмми станет возражать, но та, безразличная к происходящему, просто лежала поверх покрывала и, погруженная в свои мысли, тупо смотрела в потолок.

Угорь внимательно наблюдал за подругами, сидевшими в обшитой дубовыми панелями столовой за несъедобным обедом из свиных отбивных, клейкого картофельного пюре и жесткой зеленой фасоли.

– А теперь объясняю, почему Боумен интересовалась, может ли она тебе доверять спать одной в комнате, – сказала Тельма. – Она просто боится, что ты можешь совершить самоубийство.

Лора не верила своим ушам.

– Здесь такое уже бывало, – печальным тоном пояснила Рут. – Вот почему они пытаются запахнуть нас по крайней мере по двое даже в самую крошечную комнату. Ведь когда ты часто остаешься один... у тебя внезапно может возникнуть такое желание.

– Они не разрешают нам с Рут спать вдвоем в одной из маленьких комнат, так как мы однойцевые близнецы, – добавила Тельма. – Они и впрямь считают нас почти одним человеком. Им кажется, стоит оставить нас в комнате вдвоем, как мы сразу повесимся.

– Но это же нелепо! – возмутилась Лора.

– Конечно нелепо, – согласилась Тельма. – Смерть через повешение – не самая зрелищная штука. Но несравненные сестры Акерсон – Рут и я – обожают драматические эффекты. Нет, мы совершим харакири украденными кухонными ножами, а еще можно раздобыть бензопилу...

Все разговоры в столовой велись приглушенными голосами, поскольку зал патрулировали дежурные воспитатели. Мимо стола, где сидели сестры Акерсон с Лорой, прошла мисс Кейст, которая постоянно жила в приюте и отвечала за третий этаж.

– Гестаповка, – прошептала Тельма.

Когда мисс Кейст удалилась, Рут сказала:

– Миссис Боумен желает нам добра, просто она ничего не смыслит в этом деле. Лора, если бы она взяла себе за труд разобраться, что ты за человек, ей бы и в голову не могло прийти, что ты способна покончить с собой. Ты ведь у нас боец.

Тельма, гонявшая по тарелке несъедобную еду, задумчиво кивнула:

– Тэмми Хинсен однажды застали в душевой с пачкой бритвенных лезвий. Она хотела перерезать себе вены на запястьях.

Лору внезапно потрясла адская смесь смешного и трагичного, абсурда и мрачного реализма, отличавшая их жизнь в приюте Макилрой. Они могли добродушно подтрунивать друг над другом, а уже через секунду обсуждать суицидальные наклонности соседки по комнате. Мысль достаточно глубокая для двенадцатилетней девочки. Поэтому Лора решила, вернувшись к себе в комнату, записать все в тетрадь, куда она в последнее время заносила свои наблюдения.

Рут, давась, сумела осилить то, что лежало у нее на тарелке, и, прожевав, сказала:

– Через месяц после случая с бритвенными лезвиями они внезапно устроили обыск в наших спальнях. Искали опасные предметы. У Тэмми обнаружили банку с бензином для зажигалок и спички. Она собиралась пойти в душевую и, облившись бензином, совершить самосожжение.

– Боже мой!

Лора подумала о худенькой светловолосой девочке с землистым цветом лица и темными кругами вокруг глаз и поняла, что стремление Тэмми к самоуничтожению было обусловлено желанием раздуть медленный огонь, уже давно пожиравший ее изнутри.

– Они положили ее на два месяца в психбольницу для интенсивной терапии, – пояснила Рут.

– Когда Тэмми вернулась, – сказала Тельма, – взрослые говорили о том, что она пошла на поправку, но нам с Рут кажется, что она совсем не изменилась.

Через десять минут после того, как мисс Кейст закончила вечерний обход комнат, Лора встала с кровати. В пустынном коридоре третьего этажа работали только три аварийные лампы. Одета в пижаму, босая, с одеялом и подушкой под мышкой, Лора проскользнула в спальню сестер Акерсон.

В комнате тускло горел ночник возле постели Рут, поджидавшей Лору.

– Лора, будешь спать на моей кровати. Я постелила себе на полу, – прошептала Рут.

– Нет, убери все и ложись обратно в кровать, – ответила Лора.

Сложив в несколько раз одеяло, она постелила его на пол в ногах кровати Рут и легла сверху, положив голову на подушку.

Ребекка Богнер подала голос из своего угла:

– У нас всех из-за тебя будут неприятности.

– И что такого они нам смогут сделать? – огрызнулась Тельма. – Отведут на задний двор, обмажут медом и оставят на съедение муравьям?

Тем временем Тэмми спала или делал вид, что спит.

Рут выключила ночник, и комната погрузилась в темноту.

Внезапно дверь распахнулась, зажегся верхний свет. На пороге появилась облаченная в красный халат мисс Кейст.

– Итак?! Лора, что ты здесь делаешь?! – напустилась она на девочку.

– А я ведь предупреждала, что нам мало не будет! – простонала Ребекка Богнер.

– Сию же минуту возвращайся в свою комнату, юная леди! – приказала мисс Кейст.

Быстрота, с которой появилась мисс Кейст, была явно подозрительной, и Лора сразу посмотрела на Тэмми Хинсен.

Эфемерная блондиночка больше не притворялась спящей. Приподнявшись на локте, она ехидно улыбалась. Очевидно, она согласилась помочь Угрю получить Лору, возможно лелея смутную надежду вернуть себе статус его фаворитки.

Мисс Кейст отвела Лору в ее комнату. Лора легла в кровать, и мисс Кейст на минуту остановилась и внимательно посмотрела на девочку:

– Здесь тепло. Пожалуй, я открою окно. Может, ты хочешь мне что-нибудь сообщить? Что-то не так?

Лора подумала было о том, чтобы рассказать ей об Угре. А вдруг мисс Кейст захочет остаться здесь, чтобы застукать Угря на месте преступления, но тот не появится? Тогда Лора никогда не сможет снова обвинить Угря, поскольку она уже один раз выдвинула голословное обвинение, а значит, никто больше не отнесется к ее словам всерьез. И если Шинер ее изнасилует, это легко сойдет ему с рук.

– Нет, все хорошо, – ответила Лора.

– Тельма, с ее фальшивой искусственностью, слишком самоуверенна для девочки ее возраста. Если ты достаточно глупа, чтобы снова нарушать правила ради возможности ночью поболтать, найди себе друзей получше, ради которых следовало бы рисковать, – заявила мисс Кейст.

– Да, мэм, – произнесла Лора, скорее, чтобы отвязаться, горько пожалев о своем порыве открыться в ответ на минутную заботу этой женщины.

После ухода мисс Кейст Лора осталась в кровати, больше не помышляя о бегстве. Она лежала в темноте в полной уверенности, что через полчаса будет другая проверка. Угорь наверняка появится не раньше полуночи, а сейчас было только десять вечера, следовательно, в промежуток между очередным визитом мисс Кейст и появлением Угря Лора вполне успеет укрыться в безопасном месте.

Где-то далеко в ночи прогремел гром. Лора села в постели. Ее ангел-хранитель! Откинув одеяло, Лора подбежала к окну. Молнии она не увидела. Отдаленные раскаты стихли. Возможно, это был вовсе не гром. Лора подождала минут десять, но ничего не случилось. Разочарованная, она вернулась в постель.

Вскоре после половины одиннадцатого скрипнула дверная ручка. Лора закрыла глаза, открыла рот и притворилась, что спит.

Кто-то, осторожно ступая, остановился возле кровати.

Лора старалась дышать ровно, хотя сердце колотилось как сумасшедшее.

Это был Шинер. Она знала, что это он. Господи, она совсем забыла, что он псих, от которого чего угодно можно ожидать, а теперь он появился раньше, чем она рассчитывала, и уже готовит шприц для укола. Он засунет ее в мешок из рогожи и утащит прочь, как какой-нибудь чокнутый Санта-Клаус, который крадет детей, вместо того чтобы приносить им подарки.

Часы громко тикали. Прохладный ветерок раздувал занавески.

Наконец человек, стоявший возле кровати, ретировался. Дверь тихонько закрылась.

И все-таки это была мисс Кейст.

Трясаясь как в лихорадке, Лора вылезла из постели и натянула халат. С одеялом под мышкой она вышла из комнаты, решив не надевать тапочки, потому что босиком шаги будут звучать тише.

Лора не могла вернуться в комнату сестер Акерсон, поэтому направилась в сторону лестницы северного крыла, осторожно открыла дверь и вышла на тускло освещенную лестничную площадку. Затем прислушалась, нет ли звуков шагов Угря внизу, и начала осторожно спускаться, в любую минуту ожидая встречи с Шинером. Но, слава богу, все обошлось, и она благополучно достигла первого этажа.

Ежась от холода, поскольку босые ноги мерзли на кафельной плитке, Лора прошла в игровую комнату, но не стала включать освещение, ориентируясь лишь по призрачному свету уличных фонарей, проникавшему в окна и серебрившему углы мебели. Пробравшись мимо стульев и игровых столов, она положила одеяло на пол за диваном и улеглась.

Она забылась тревожным сном, периодически просыпаясь от ночных кошмаров. В ночи старый особняк был наполнен подозрительными звуками: скрипом половиц над головой, глухим гулом допотопных водопроводных труб.

8

Штефан выключил весь свет и притаился в спальне, обставленной как детская. Шинер появился в половине четвертого утра. Штефан бесшумно спрятался за дверью спальни. Несколько минут спустя Уилли Шинер вошел в комнату, включил свет и, издав странный звук, похожий на урчание зверя, вернувшегося из враждебного мира в родную нору, направился к лежавшему на полу матрасу.

Когда Штефан закрыл дверь спальни, Шинер стремительно повернулся на скрип дверных петель в шоке от вторжения в свое логово.

– Кто... кто ты такой? И какого черта тебе здесь нужно?!

Из окна «шевроле», припаркованного в тени на другой стороне улицы, Кокошка наблюдал за тем, как Штефан покидает дом Уилли Шинера. Выждав десять минут, Кокошка вышел из автомобиля, обогнул бунгало, отыскал незапертую дверь и осторожно вошел внутрь.

Уилли Шинера он обнаружил в обставленной наподобие детской спальне. Избитый до потери пульса, Шинер лежал в луже крови на полу. В комнате воняло мочой. Похоже, он от страха описался.

В один прекрасный день, подумал Кокошка с мрачной решимостью и с садистским удовольствием, я отделаю Штефана почище, чем он этого бедолагу. Его и эту проклятую девчонку. Как только мне удастся понять, какую роль она играет в его планах и почему он, перепрыгивая через десятилетия, переделывает ее жизнь, я заставлю их пройти через все круги ада.

Покинув дом Шинера, Кокошка вышел на задний двор, секунду-другую смотрел на звездное небо, а затем вернулся в институт.

9

Вскоре после рассвета Лора, поняв, что опасность встречи с Шинером миновала, покинула свое убежище в игровой комнате и поспешила вернуться к себе на третий этаж до того, как проснутся остальные обитатели приюта. В ее комнате все оставалось так, как после ее ухода. Никаких следов ночного вторжения.

Измученная, с красными глазами, Лора невольно задалась вопросом, а не преувеличивает ли она, грешным делом, смелость и решительность Угря.

Лора застелила постель – домашняя обязанность, которую должен был выполнять каждый ребенок в приюте Макилрой, – и, подняв подушку, буквально оцепенела при виде того, что там лежало. Одна-единственная карамелька «Тутси ролл».

В тот день Белый Угорь не пришел на работу. Он, должно быть, всю ночь готовился к похищению Лоры и теперь, без сомнения, отсыпался.

– Как этот человек может спокойно спать? – спросила Рут, когда девочки после школы встретились в уголке спортплощадки приюта Макилрой. – Неужели его не мучает совесть?

– Рути, у него вообще нет совести, – ответила Тельма.

– У всех людей есть совесть. Даже у самых плохих. Такими сотворил нас Господь.

– Шейн, тебе придется помочь мне совершить экзорцизм, – сказала Тельма. – Рут снова одержима идиотским духом Гиджет².

В порыве несвойственного ей сострадания миссис Боумен перевела Тэмми и Ребекку в другую комнату, разрешив Лоре снова подселиться к Тельме и Рут. В результате чего четвертая кровать на время оставалась свободной.

– Это будет кровать Пола Маккартни, – заявила Тельма, когда они с Рут помогали Лоре устроиваться. – Всякий раз, как «Битлз» будут проездом в нашем городе, Пол сможет тут спать. Ну а я буду спать с Полом!

– Иногда ты ведешь себя просто неприлично, – заметила Рут.

– Эй, я всего-навсего выражаю здоровый сексуальный интерес.

– Тельма, тебе всего двенадцать! – возмутилась Рут.

– А совсем скоро будет тринадцать. Я со дня на день жду, когда у меня начнутся месячные. Одним прекрасным утром мы проснемся, а вокруг будет море крови, как после резни бензопилой.

– Тельма!

---

² Героиня книги Фредерика Конера «Гиджет, маленькая девочка с большими идеями».

В четверг Шинер тоже не вышел на работу. На этой неделе его выходные пришлось на пятницу и субботу, поэтому вплоть до субботнего вечера Лора и близнецы взволнованно строили предположения, что Угорь, возможно, больше вообще не появится, так как его переехал грузовик или у него жуткий авитаминоз.

Однако в воскресенье утром Угорь уже стоял на раздаче за завтраком. У Шинера были подбиты оба глаза и перевязано правое ухо, левая щека разодрана, верхняя губа расквашена, два передних зуба отсутствовали.

– Может, он и впрямь попал под грузовик, – прошептала Рут, пока они стояли в очереди.

Остальные дети также обсуждали ранения Шинера, некоторые даже хихикали. Но все они настолько боялись или презирали Угря, что не осмеливались комментировать вслух его плачевное состояние.

Оказавшись возле буфета, Лора и Рут с Тельмой сразу притихли. Чем ближе они продвигались к Угрю, тем яснее становилось, как сильно его избили. Синякам под глазами было явно не меньше нескольких дней, причем опухоль до сих пор не прошла, и, похоже, поначалу оба глаза напрочь заплыли. Разбитая губа выглядела воспаленной. Кожа на уцелевших участках лица, обычно молочно-белая, теперь казалась пепельно-серой. Угорь, со своими похожими на мочалку курчавыми медно-рыжими волосами, выглядел крайне нелепо – цирковой клоун, исполнявший комический номер падения с лестницы и не сумевший правильно приземлиться, чтобы избежать увечий.

Шинер обслуживал детей, не отрывая глаз от картонок с молоком и выпечки для завтрака. А когда очередь дошла до Лоры, он заметно напрягся, но не решился на нее посмотреть.

Сев за стол, Лора и близнецы поставили стулья так, чтобы было удобнее наблюдать за Шинером, поскольку еще час назад девочки даже представить себе не могли подобного поворота событий. Однако сейчас Угорь вызывал скорее любопытство, нежели страх. Поэтому подруги, уже не прячась от Угря, занимавшегося хозяйственными делами, целый день наблюдали за ним. Похоже, Угорь отлично понимал, что Лора рядом, однако упорно отказывался на нее смотреть. Периодически он посматривал на других детей, на секунду задержавшись в игровой комнате, о чем-то ласково поговорил с Тэмми Хинсен, но при этом явно опасался встречаться глазами с Лорой, словно для него это было равнозначно тому, чтобы сунуть палец в электрическую розетку.

Ближе к полудню Рут сказала:

– Лора, он тебя боится.

– Что б мне провалиться, если это не так! – согласилась Тельма. – Шейн, выходит, это ты его так отделала? И почему ты от нас скрывала, что являешься мастером карате?

– Очень странно, да? С чего ему меня бояться?

Но Лора знала. Ее ангел-хранитель. И хотя она уже было решила, что ей придется в одиночку противостоять Шинеру, ангел-хранитель снова явился, чтобы заставить Угря держаться от нее подальше.

Лора и сама толком не понимала, почему не решается рассказать о своем таинственном спасителе сестрам Акерсон. Ведь они были ее лучшими друзьями. И она им доверяла. Но чисто интуитивно Лора чувствовала, что секрет ангела-хранителя должен оставаться секретом. То небольшое, что знала о нем Лора, было священным, а значит, у нее не было права доверять эту тайну посторонним людям, низводя свое священное знание до уровня элементарной сплетни.

За две недели синяки Угря побледнели, повязка с уха исчезла, и взорам присутствующих открылись жуткие багровые рубцы в том месте, где пришлось пришивать его к голове. Угорь по-прежнему предпочитал держаться подальше от Лоры. Подавая ей еду в столовой, он больше не припасал для нее лучшие куски десерта и по-прежнему отводил глаза.

Правда, Лора время от времени ловила на себе его злобный взгляд, брошенный с другого конца комнаты. Угорь всякий раз поспешно отворачивался, но Лора успевала заметить, что его полные ярости зеленые глаза горели теперь не извращенной похотью, а дикой ненавистью. Очевидно, он считал Лору виновницей столь жестокого избиения.

В пятницу, 27 октября миссис Боумен сообщила Лоре, что завтра ее передают в другую приемную семью. Девочку были готовы принять миссис и мистер Доквейлер. Эта супружеская пара из Ньюпорт-Бич недавно присоединилась к программе приемных семей.

– Не сомневаюсь, с ними ты поладишь лучше, чем с предыдущей семьей. – Миссис Боумен вырядилась в кричащее платье в желтый цветочек, в котором смахивала на диван на солнечной веранде. – И советую тебе не выкидывать с Доквейлерами те же номера, что ты проделывала с Тиджелами.

В тот вечер у себя в комнате Лора с деланным спокойствием обсуждала с близнецами предстоящее расставание, совсем как тогда, когда ей предстояло переехать к Тиджелам. Но за последний месяц подруги очень сблизилась – настолько, что Рут с Тельмой уже начали относиться к Лоре, словно к родной сестре. Тельма даже как-то сказала: «Несравненные сестры Акерсон – Рут, Лора и я», и впервые за три месяца, прошедшие после смерти отца, Лора наконец почувствовала себя любимой, желанной и снова живой.

– Я люблю вас, девчонки, – вздохнула она.

На что Рут ответила:

– О Лора! – и залилась слезами.

Тельма нахмурилась:

– Мы и оглянуться не успеем, как ты вернешься. Эти Доквейлеры наверняка ужасные люди. Они поселят тебя в гараже.

– Надеюсь, что так, – вздохнула Лора.

– И будут пороть тебя резиновым шлангом...

– Это было бы здорово.

На этот раз молния, поразившая жизнь Лоры, оказалась *хорошей* молнией – по крайней мере, поначалу все выглядело именно так.

Доквейлеры жили в громадном доме в престижном районе Ньюпорт-Бич. У Лоры теперь была собственная спальня с видом на океан, оформленная в сдержанных цветах, в основном бежевых.

Показывая Лоре ее комнату, Карл Доквейлер сказал:

– Мы не знали, какой цвет ты предпочитаешь, и поэтому ничего не стали менять. Но можно будет переделать комнату по твоему вкусу. – Карлу Доквейлеру было около сорока; большой, как медведь, широкоплечий, с широким, словно гуттаперчевым лицом, он напоминал Лоре Джона Уэйна, только с более забавной внешностью. – Может, девочки твоего возраста предпочитают розовые комнаты?

– Ой нет, мне нравится все как есть!

Лора пребывала в состоянии некоторого шока от нечаянно свалившегося на нее богатства. Подойдя к окну, она залюбовалась роскошным видом на гавань Ньюпорта, где на позолоченных солнцем волнах покачивались яхты.

Нина Доквейлер встала рядом с Лорой, положив ей руку на плечо. Нина, с ее матовым лицом, темными волосами и фиалковыми глазами, напоминала фарфоровую статуэтку.

– Лора, в твоём личном деле сказано, что ты любишь книги, но мы не знали какие. Поэтому прямо сейчас мы поедem в книжный магазин и купим все, что пожелаешь.

В книжном магазине «Уолденбукс» Лора выбрала пять книг в мягкой обложке. Доквейлеры уговаривали ее купить больше, но Лоре не хотелось вводить их в лишние расходы. Тогда Карл с Ниной сами принялись обследовать полки. Доставали оттуда толстые книги, зачитывая

Лоре аннотации на суперобложке, и, если Лора проявляла хоть малейший интерес, добавляли книги к покупкам. Карл даже ползал на четвереньках в отделе детской литературы, изучая названия на корешках книг:

– Эй, тут есть книжка про собаку! Ты ведь любишь рассказы о животных? А тут еще и шпионская литература.

Зрелище было таким потешным, что Лора не выдержала и захихикала. В результате они купили сотню книг и вышли из магазина с целым мешком самой разной литературы.

Затем они все вместе пообедали в пиццерии, где Нина продемонстрировала поразительный талант фокусника. Она достала из-за уха Лоры кусочек колбасы, а потом заставила колбасу исчезнуть.

– Потрясающе! – ахнула Лора. – А где вы этому научились?

– У меня была своя дизайнерская фирма, но восемь лет назад мне пришлось отойти от дел. Проблемы со здоровьем. Слишком нервная работа. Но так как я не привыкла сидеть сложа руки, то решила научиться всему тому, о чем мечтала в свою бытность очень занятой деловой женщины. Например, научиться магии.

– Проблемы со здоровьем? – спросила Лора.

Стабильность была тем предательским ковриком, который постоянно выдергивали у девочки из-под ног, и, похоже, кто-то готовился сделать это в очередной раз.

Испуг Лоры был настолько явным, что Карл Доквейлер поспешил ее успокоить:

– Не волнуйся. У Нины врожденный порок сердца, но она еще нас с тобой переживет, если будет избегать стрессов.

– А разве нельзя сделать операцию? – Внезапно потеряв аппетит, Лора положила обратно на тарелку кусочек пиццы, который собиралась съесть.

– Кардиохирургия стремительно развивается, – объяснила Нина. – Возможно, через пару лет мы так и сделаем. Но, милая, тебе не о чем беспокоиться. Я буду себя беречь, тем более сейчас, когда у меня появилась дочь, которую я могу баловать!

– Больше всего на свете мы хотели иметь детей, – объяснил Карл. – Но не судьба. А когда мы решили усыновить ребенка, агентства по усыновлению, узнав, что у Нины большое сердце, нам отказали.

– Тем не менее для приемных родителей мы вполне годимся, – добавила Нина. – Если тебе у нас понравится, оставайся хоть навсегда. Будем считать, что мы тебя удочерили.

В ту ночь, оставшись в своей новой большой спальне с видом на океан, потемневшим и почти пугающим, Лора сказала себе, что не нужно слишком привязываться к Доквейлерам, потому что из-за большого сердца Нины настоящей стабильности нет и не будет.

На следующий день, в воскресенье, они отправились покупать Лоре одежду и наверняка истратили бы целое состояние, если бы Лора не умолила их остановиться. Затем, набив обновками багажник «мерседеса», они поехали в кино на комедию с Питером Селлерсом, а после кино – в ресторан, где посетителям предлагали отличные гамбургеры и невероятные молочные коктейли.

Поливая кетчупом картофель фри, Лора сказала:

– Вам здорово повезло, что органы опеки прислали именно меня, а не кого-то другого.

– Почему? – удивленно поднял брови Карл.

– Ну, вы такие милые. Очень милые... а значит, более уязвимые, чем вам кажется. Любой ребенок сразу поймет, какие вы доверчивые, и непременно этим воспользуется. Безжалостно. Но со мной вам нечего опасаться. Я не стану злоупотреблять вашей добротой. Вы не пожалеете, что взяли меня в свою семью.

Они с изумлением уставились на Лору.

Наконец Карл перевел взгляд на Нину:

– Нас надули. Ей явно не двенадцать лет. Они подсунули нам карлицу.

Ночью, лежа в постели и пытаясь уснуть, Лора повторяла, как заклинание:
– Не люби их слишком сильно, не люби их слишком сильно...
Но она уже успела полюбить Доквейлеров.

Доквейлеры устроили Лору в частное учебное заведение, где требования были выше, чем в государственных школах, в которых она раньше училась, однако Лора с удовольствием приняла вызов, демонстрируя хорошую успеваемость. Конечно, она скучала по Рут с Тельмой, но девочку утешала мысль о том, что подруги радуются за нее.

Лора даже начала лелеять веру в будущее и надежду стать счастливой. Ведь у нее как-никак был личный хранитель. Возможно, даже ангел-хранитель. А каждой девочке, имеющей своего ангела-хранителя, суждено обрести любовь, счастье и безопасность.

Но разве ангел-хранитель способен выстрелить человеку в голову? Или избить кого-то до крови? Не важно. У нее был очень храбрый хранитель, и не важно, ангел он или нет, а еще любящие приемные родители, и она не могла отказываться от счастья, пролившегося на нее волшебным дождем.

Во вторник, 5 декабря Нина отправилась на плановый ежемесячный осмотр у кардиолога, поэтому, когда Лора вернулась днем после школы, дома никого не было. Открыв входную дверь своим ключом, она положила учебники на столик в стиле Людовика XIV, стоявший в прихожей возле нижней ступеньки лестницы.

Просторная гостиная в кремовых и бледно-зеленых тонах, несмотря на размеры, казалась уютной. Остановившись у окна, чтобы полюбоваться видом, Лора подумала о том, как было бы хорошо, если бы Рут с Тельмой могли насладиться всем этим великолепием вместе с ней, и внезапно поняла, что это вполне осуществимо.

А почему бы и нет? Карл и Нина любили детей. И любви им хватит на целый дом ребятишек, на тысячу ребятишек.

– Шейн, – громко сказала Лора, – ты гений!

Она отправилась на кухню приготовить себе что-нибудь перекусить, чтобы поест в своей комнате. Налила стакан молока, разогрела в духовке шоколадный круассан, достала из холодильника яблоко, обдумывая при этом, как бы половчее завести с Доквейлерами разговор о близнецах. План был настолько хорош, что все должно было пройти как по маслу. Лора задумчиво толкнула плечом вращающуюся дверь между кухней и столовой.

Угорь поджидал Лору в столовой. Он схватил девочку и с такой силой швырнул о стенку, что у нее перехватило дыхание. Яблоко и шоколадный круассан свалились с тарелки, тарелка упала на пол. Затем Угорь выбил стакан с молоком из руки Лоры, и стакан, с грохотом ударившись об обеденный стол, разбился вдребезги. Дернув Лору на себя, Угорь снова отшвырнул ее к стенке. Лора почувствовала, как резкая боль пронзила спину, в глазах потемнело. Лора знала, что ей нельзя терять сознание, и старалась держаться, держаться из последних сил, несмотря на боль, дурноту, удушье.

Где ее ангел-хранитель?! Где?!

Шинер придвинулся к Лоре, и от ужаса у нее обострились все чувства. Она отчетливо видела каждую черточку его искаженного от ярости лица: багровые отметины на месте пришитого к голове уха, черные точки в складках вокруг ноздрей, шрамы от юношеских прыщей на мучнистой коже. Дикие, злобные зеленые глаза казались глазами не человека, а кошки.

Но ангел-хранитель Лоры с минуты на минуту должен был оторвать от нее Угря и убить. Буквально с минуты на минуту.

– Попалась! – В пронзительном голосе Угря слышались маниакальные нотки. – Теперь, дорогуша, ты в моей власти. И ты непременно назовешь мне имя того сукина сына, который меня искалечил. И я вышибу ему мозги. – Он крепко держал Лору за плечи, вонзив пальцы в нежную плоть, затем поднял ее и прижал к стене; ноги Лоры беспомощно болтались в воздухе. –

Кто этот ублюдок?! – Угорь оказался неожиданно сильным для своего роста; оторвав Лору от стены, он снова с силой вдавил в нее свою жертву, продолжая держать девочку на уровне глаз. – А ну-ка выкладывай, дорогуша, или теперь уже ты лишишься уха!

С минуты на минуту! С минуты на минуту!

У Лоры болезненно пульсировал позвоночник, однако она сумела вдохнуть в себя немного воздуха, отравленного вонючим, тошнотворным дыханием Угря.

– Отвечай, дорогуша!

Она могла умереть, ожидая вмешательства ангела-хранителя.

И тогда она лягнула его в мошонку. Прямо в цель. Угорь стоял, широко расставив ноги, он явно не привык к маленьким девочкам, способным дать сдачи, и в результате попал впро-сак. Глаза у него вылезли из орбит, на секунду став почти человеческими, из груди вырвался низкий полузадушенный звук, руки непроизвольно разжались. Лора рухнула на пол, а Угорь попятился, потерял равновесие, ударился спиной об обеденный стол и, сложившись пополам, остался лежать на боку на китайском ковре.

Лора, оцепеневшая от боли, шока и страха, была не в силах подняться. Ватные ноги. Дрожащие. Значит, нужно ползти. Она могла ползти. Подальше от него. Лихорадочно. В сторону арочного входа в столовую. В надежде, что к тому времени, как она достигнет гостиной, ей удастся встать на ноги. Угорь схватил Лору за левую щиколотку. Лора попыталась бры-каться. Бесполезно. Ватные ноги. Шинер усилил хватку. Холодные пальцы. Пальцы мертвеца. Он пронзительно заверещал. Странный потусторонний звук. Лора нащупала рукой мокрое от молока пятно на ковре. Увидела битое стекло. Верх стакана разбился, но тяжелое дно, увенчан-ное острыми стеклянными зубцами, осталось нетронутым. На стекле повисли капли молока. По-прежнему скрюченный, парализованный болью, Угорь схватил Лору за вторую щиколотку. Согнувшись в три погибели и мерзко извиваясь, он подтянулся поближе к девочке, все еще продолжая верещать. Совсем как птица. Собираясь обрушиться сверху на Лору. Придавить ее. Лора схватила разбитый стакан. Порезала большой палец, но ничего не почувствовала. Угорь отпустил ее щиколотки, норовя схватить за бедра. Изловчившись, Лора перекатилась на спину. Словно это она была угрем. Выбросила вперед ладонь с зажатым в ней доньшком разбитого стакана, причем не для того, чтобы ранить, а скорее, отпугнуть противника. Но Угорь уже навалился на Лору всем телом, рухнув на нее сверху, – и все три острых зубца вонзились ему в горло. Он попытался отпрянуть. Выдернуть доньшко. Но стеклянные зубцы, разбившись, вошли в плоть. Задыхаясь, захлебываясь, Угорь пригвоздил Лору всей своей тяжестью к полу. Из носа потекла кровь. Лора попыталась высвободиться. Угорь вцепился в нее растопырен-ными пальцами, больно придавив коленом ее бедро. Впившись губами ей в шею, он попы-тался укусить. Но только прихватил кожу. Если Лора ему не помешает, то следующий укус будет более глубоким. Она принялась судорожно дергаться. Дыхание со свистом и бульканьем вырывалось из пробитого горла Угря. Наконец Лоре удалось выскользнуть из-под него. Он снова схватил ее. Она его лягнула. Теперь ноги Лоры работали намного лучше. Пинок полу-чился увесистым. Она поползла в сторону гостиной. Схватила за раму арки между столовой и гостиной. Подтянувшись, встала на ноги. Оглянулась. Угорь тоже был на ногах. Он замахнулся, точно дубиной, стулом, который держал в руках. Лора пригнулась. Стул с грохотом врезался в проем. Лора проковыляла в гостиную, направляясь в сторону прихожей, в сторону входной двери. Угорь снова кинул в Лору стул, и тот задел ее по плечу. Она упала. Покатилась по полу. Подняла глаза. Над ней снова навис Угорь. Схватил за левую руку. Все кончено. Или было бы кончено, если бы осколок стекла в горле Угря наконец не перерезал очередную артерию. Из носа Шинера потоком хлынула кровь. Он рухнул на Лору и, бездыханный, так и остался лежать.

Лора не могла шевельнуться, не могла дышать и отчаянно боролась, чтобы не потерять сознание. Сквозь жуткие звуки собственных задушенных всхлипов она уловила скрип открыв-шейся входной двери. Услышала шаги.

– Лора, я дома! – Голос Нины, поначалу живой и радостный, стал пронзительным от ужаса. – Лора?! Боже мой, Лора!

Попытавшись спихнуть с себя мертвеца, Лора смогла только наполовину выбраться из-под тяжелого тела и сразу увидела застывшую в дверном проеме Нину.

Женщина оцепенела от шока. Она уставилась на свою некогда элегантную персиково-кремово-салатовую гостиную, теперь обильно украшенную алыми мазками. Фиалковые глаза Нины остановились на Лоре, и женщина тотчас же вышла из транса:

– Лора, господи, Лора!

Нина сделала три шага вперед, потом резко остановилась и, обняв себя руками, согнулась пополам, словно от удара в живот. Издавала странный звук: «Уф-уф-уф». Попыталась выпрямиться. Ее лицо исказилось. Похоже, она не могла стоять на ногах. И в конце концов тяжело осела на пол и осталась лежать, уже не издавая ни звука.

Нет, этого не могло быть. Это несправедливо, будь оно все проклято!

Почувствовав прилив сил, обусловленный паникой и любовью к Нине, Лора выбралась из-под тела Шинера и подползла к приемной матери.

Нина лежала неподвижно. Ее прекрасные глаза были открыты, но взгляд казался безжизненным.

Лора прижала окровавленную руку к шее Нины, пытаясь нащупать пульс. И вроде бы что-то уловила. Слабый, неровный, но все-таки пульс.

Подложив Нине под голову диванную подушку, Лора кинулась на кухню, где на висевшем на стене телефоне были указаны номера полиции и экстренных служб. Дрожащим голосом она сообщила о сердечном приступе у Нины и дала ее адрес пожарной команде.

Повесив трубку, Лора решила, что все обойдется, поскольку сердечный приступ уже унес жизнь ее родного отца, а значит, было бы просто нелепо потерять по той же причине и приемную мать. Да, жизнь полна абсурдных моментов, но сама по себе жизнь не была нелепой. Жизнь была странной, трудной, чудесной, драгоценной, изменчивой, загадочной, но не тупо абсурдной. А значит, Нина будет жить, поскольку ее смерть бессмысленна.

По-прежнему напуганная и обеспокоенная, Лора поспешила в гостиную и, опустившись на колени подле приемной матери, обняла ее.

В Ньюпорт-Бич были первоклассные экстренные службы. «Скорая» прибыла буквально через три-четыре минуты после вызова. Два опытных парамедика имели все необходимое оборудование. Однако через пару минут они констатировали, что Нина мертва. Скорее всего, она умерла в тот самый момент, когда рухнула на пол.

10

Через неделю Лора вернулась в приют Макилрой, а за восемь дней до Рождества миссис Боумен перевела Тэмми Хинсен обратно в комнату близнецов Акерсон, выделив ей четвертую кровать. Во время нетипичной приватной беседы с Лорой, Рут и Тельмой миссис Боумен объяснила причину подобной пертурбации:

– Девочки, я знаю, вы считаете, что Тэмми вас не любит, но, похоже, с вами она ладит гораздо лучше, чем с остальными. Мы пробовали подселить ее в самые разные комнаты, но другие ребята ее просто не выносят. Ума не приложу, что делает эту девочку изгоем, но для соседок по комнате она рано или поздно становится боксерской грушей.

Вернувшись перед появлением Тэмми в свою комнату, Тельма уселась в базовую позу йоги на полу: ноги скрещены, пятки на бедрах. Она заинтересовалась йогой, когда «Битлз» начали пропагандировать восточные практики медитации, и во всеуслышание заявила, что когда наконец-то встретится с Полом Маккартни (а это предопределено ей судьбой), то неплохо

было бы иметь общие интересы, а значит, она должна хотя бы немного разбираться в этой дурацкой йоге.

Но вместо того чтобы медитировать, Тельма заявила:

– Интересно, что сделает эта корова, если я скажу ей: «Миссис Боумен, детишки не любят Тэмми, потому что она разрешала Угрю иметь себя во все места, а еще помогала ему заарканивать других незащищенных девочек, и для них Тэмми – враг номер один». И что, спрашивается, сделает эта тупая корова Боумен, если я ей все это выложу?

– Она назовет тебя грязной врушей, – ответила Лора, плюхнувшись на свою продавленную кровать.

– Само собой. А потом слопает меня на завтрак. Нет, как можно быть такой жирной тушей?! С каждой неделей она становится все толще и толще. Люди такого размера представляют опасность для окружающих. Прожорливое всеядное животное, способное запросто сожрать любого оказавшегося под рукой ребенка со всеми потрохами, словно вазочку мороженого с сиропом.

На что Рут, смотревшая в окно на спортивную площадку, сказала:

– И все же дети не должны третировать Тэмми. Это несправедливо.

– Жизнь вообще несправедливая штука, – заметила Лора.

– Да уж, явно не сахар, – произнесла Тельма. – Господи, Шейн, кончай разводить философию на пустом месте. Ты ведь знаешь, мы терпеть не можем банальности. Это все равно что слушать по радио «Ode to Billy Joe» в исполнении Бобби Джентри.

Когда час спустя в комнате появилась Тэмми, Лора напряглась. Ведь, как ни крути, это она, Лора, убила Шинера, а Тэмми от него полностью зависела. Лора ждала, что Тэмми станет злиться и огрызаться, но та лишь улыбнулась ей искренней, застенчивой, пронзительно-печальной улыбкой.

После возвращения Тэмми прошло два дня, и всем стало ясно, что девочка переживает смерть Угря, с его патологической любовью, крайне болезненно, но одновременно и с некоторым облегчением. Бешеный темперамент, с которым она некогда разорвала книги Лоры, куда-то подевался. Тэмми вновь стала серенькой, костлявой, бесцветной, больше похожей на привидение, чем на живого человека, на бесплотный дух, готовый в любую минуту раствориться в туманной эктоплазме и исчезнуть с первым порывом ветра.

После гибели Угря и смерти Нины Доквейлер Лоре пришлось пройти получасовые сеансы терапии у доктора Буна – психотерапевта, посещавшего приют Макилрой по вторникам и субботам. Доктор Бун не верил, что Лора смогла перенести шок от нападения Уилли Шинера и трагической смерти Нины, не получив психологической травмы. Бун озадачивало четкое описание тех чувств, которые испытала Лора, и зрелые рассуждения при описании того, как ей удалось пережить произошедшее в Ньюпорт-Бич. Но Лора, росшая без матери, рано потерявшая отца, пережившая много ужасов и потерь, стала эластичной, как губка, – в первую очередь благодаря беззаветной любви отца, – стойко принимая все удары судьбы. И хотя она могла говорить о Шинере абсолютно бесстрастно, а о Нине – лишь с легкой грустью, доктор Бун объяснил это не адаптивностью психики маленькой пациентки, а напускной бравадой.

– Скажи, а тебе когда-нибудь снился Уилли Шинер? – спросил доктор, сидевший рядом с Лорой на кушетке в маленьком кабинете, выделенном для него в приюте Макилрой.

– Дважды. Конечно, в кошмарных снах. Но ведь у детей бывают ночные кошмары.

– А Нина тебе тоже снится в кошмарных снах?

– Нет, что вы! Это чудесные сны.

Доктор не скрывал своего удивления:

– Но когда ты думаешь о Нине, тебе ведь становится грустно?

– Да. И все же... я помню, как нам было весело заниматься шопингом. Примерять платья и джемпера. Я помню ее улыбку и смех.

– Ну а как насчет угрызений совести? Ты чувствуешь себя виноватой из-за того, что случилось с Ниной?

– Нет. Быть может, Нина осталась бы в живых, если бы я не поселилась у них и не привела за собой Шинера. Но я не считаю себя виноватой. Я изо всех сил пыталась стать для них хорошей приемной дочерью, и им было со мной хорошо. Просто жизнь швырнула в нас кусок торта с заварным кремом. И тут нет моей вины. Ведь никогда не знаешь, когда в тебя залепят куском торта. А если ты видишь, как в тебя летит торт, это уже не эксцентрическая комедия.

– Кусок торта с заварным кремом? – озадаченно переспросил доктор. – Значит, ты воспринимаешь жизнь как эксцентрическую комедию? Вроде «Трех балбесов»?

– Отчасти.

– Выходит, жизнь – всего-навсего смешная шутка?

– Нет. Жизнь – это одновременно и грустно, и смешно.

– Но как такое возможно?

– Если вы не знаете, – ответила Лора, – тогда, быть может, именно я должна задавать здесь вопросы.

Лора заполнила множество страниц дневника заметками о докторе Уилле Буне. Но о своем ангеле-хранителе не написала ни слова. Она вообще старалась о нем не думать. Он ее подвел. Лора уже привыкла рассчитывать на него. Его совершенные ради нее подвиги позволяли Лоре чувствовать себя особенной, и это чувство избранности помогло ей приспособиться после смерти отца. А теперь она чувствовала себя глупо из-за того, что рассчитывала выжить, полагаясь не на себя, а на кого-то другого. Лора по-прежнему хранила записку, которую незнакомец оставил ей на письменном столе после похорон отца, но давно ее не перечитывала. И с каждым днем она все сильнее уверялась в том, что ее ангел-хранитель – это лишь персонаж детских фантазий наподобие Санта-Клауса, фантазий, которые необходимо было перерасти.

В Рождество подруги вернулись в свою комнату нагруженные подарками от благотворительных организаций и частных благотворителей. Девочки затаили хором рождественские песни, и, к их немалому удивлению, Тэмми к ним присоединилась. Она пела низким дрожащим голосом.

А в последующие несколько недель Тэмми почти перестала грызть ногти. Ей не удалось полностью преодолеть свою замкнутость, но она казалась немного спокойнее и более довольной собой, чем прежде.

– Теперь, когда рядом нет этого извращенца, – сказала Тельма, – может, она снова станет нормальной.

В пятницу, 12 января 1968 года Лоре исполнилось тринадцать лет, но она не стала отмечать день рождения. Не было поводов для радости.

Ведь в понедельник Лору перевели в Касвелл-Холл – приют для детей старшего возраста, который находился в Анахайме, в пяти милях от того места, где остались ее подруги.

Рут с Тельмой помогли Лоре снести в вестибюль ее скромные пожитки. Лора даже представить себе не могла, что будет так сильно жалеть о расставании с приютом Макилрой.

– Мы переберемся туда в мае, – заверила подругу Тельма. – Второго мая нам стукнет тринадцать, и нас отсюда выставят. И мы снова будем вместе.

Когда появился социальный работник из Касвелл-Холла, Лора отказалась уезжать. Но ей пришлось.

Приют Касвелл-Холл размещался в перестроенном старом здании старшей школы, с выгороженными дортуарами, комнатами отдыха и кабинетами социальных работников. И атмосфера здесь была более казенной, чем в приюте Макилрой.

К тому же Касвелл-Холл оказался куда более опасным местом, поскольку в этом приюте содержались дети старшего возраста, причем многие из них были настоящими малолетними преступниками. Марихуана и наркотики в таблетках имели широкое хождение, а драки между мальчиками и даже между девочками считались обычным делом. Как и в приюте Макилрой, в Касвелл-Холле возникали свои группировки, но уже не безобидные, а имевшие опасное сходство с уличными бандами. Воровство здесь цвело пышным цветом.

Уже через несколько недель Лора поняла, что в этой жизни выжить могут лишь два типа людей: те, кто, подобно ей, Лоре, черпал дополнительные силы в щедрой любви, полученной в детстве, и те, кто был лишен любви, научился питаться ненавистью, подозрительностью и скудными дарами мести. Они одновременно и презирали потребность в человеческих чувствах, и остро завидовали тем, кому удалось их сохранить.

В Касвелл-Холле Лора ни на секунду не забывала об осторожности, но никогда не позволяла страху взять верх. Конечно, малолетние хулиганы наводили на всех ужас, но в то же время они были на редкость жалкими, а позерство и ритуальная свирепость делали их просто смешными. Здесь не было никого, кто понимал бы черный юмор так, как сестры Акерсон, и поэтому Лора заполняла мрачными шутками страницы своего дневника. В ожидании, когда близняшкам исполнится тринадцать, она находила отдушину в этих аккуратно записанных монологах. Для Лоры это было время самопознания и более глубокого понимания похожего на грубый фарс трагического мира, в котором она родилась.

В субботу, 30 марта Лора, сидевшая у себя с книгой в руках, неожиданно услышала, как соседка по комнате, плаксивая девочка по имени Фрэн Уикерт, рассказывает кому-то в коридоре о пожаре, во время которого погибли дети. Лора слушала разговор вполуха, но тем не менее уловила слово «Макилрой».

У нее внутри все похолодело, сердце замерло, руки онемели. Лора бросила книгу и выскочила в коридор, напугав девочек:

– Когда? Когда случился пожар?

– Вчера, – ответила Фрэн.

– Сколько детей п-погибло?

– Немного. Кажется, только двое. А может, и один ребенок. Но я слышала, что там чувствовался запах горелого мяса. Разве это не самая жуткая вещь...

Лора надвинулась на Фрэн:

– Как их звали?

– Эй, ты чего? А ну-ка отпусти!

– Назови их имена!

– Не знаю я никаких имен. Господи, какая муха тебя укусила?!

Лора не помнила, как отпустила Фрэн, не помнила, как оказалась за территорией приюта. Неожиданно она очутилась на Кателла-авеню, в нескольких кварталах от Касвелл-Холла. На Кателла-авеню, торговой улице района, кое-где не было тротуаров, и Лоре приходилось бежать на восток по обочине, вдоль которой с грохотом проносился транспорт. Приют Макилрой находился в пяти милях отсюда, и Лора не знала дороги, но, доверившись инстинкту, бежала, пока хватало сил, переходила на шаг, а затем снова бросалась бежать.

Конечно, самым разумным было сразу пойти к одному из воспитателей Касвелл-Холла и узнать имена погибших во время пожара детей. Однако у Лоры возникло странное чувство, будто судьба близнецов Акерсон зависит исключительно от ее готовности самостоятельно проделать пятимильный путь до Макилроя, чтобы узнать подробности происшествия, и если

она попробует навести справки по телефону, то непременно услышит в ответ, что близняшки погибли. Конечно, это было чистой воды суеверием, но Лоре нужно было во что-то верить.

Тем временем на город спустились сумерки. Небо озарилось мутным красно-фиолетовым светом, рваные края облаков пламенели багрянцем. Но вот наконец вдали показался приют Макилрой, и Лора, к своему облегчению, обнаружила, что огонь пощадил фасад здания.

Несмотря на пульсирующую головную боль, Лора, насквозь пропотевшая и дрожащая от изнеможения, увидев уцелевший особняк, не остановилась передохнуть, а, наоборот, ускорила шаг, чтобы преодолеть последний квартал. Она встретила шестерых детей в коридоре цокольного этажа, а еще троих – на лестнице. Кто-то окликнул Лору по имени, но она не стала останавливаться, чтобы спросить о пожаре. Она должна была увидеть все собственными глазами.

На верхней площадке пахло копотью. Лора уловила едкую смолистую вонь сгоревших вещей и кислый запах дыма. Открыв дверь на третий этаж, она обнаружила, что окна в обоих концах коридора распахнуты и работают электрические вентиляторы для циркуляции пропитанного дымом воздуха.

Дверь и дверная рама в комнате сестер Акерсон были новыми, неокрашенными, но стены вокруг обгорели и пестрели потеками сажи. Написанное от руки объявление предупреждало об опасности. Как и другие двери в приюте Макилрой, дверь в комнату близнецов не запиралась на замок. Поэтому Лора, наплевав на предупреждение, распахнула дверь, переступила порог и увидела то, чего больше всего опасалась увидеть: полное разорение.

Светильники в коридоре за спиной у Лоры и лиловый сумеречный свет за окном не позволяли толком разглядеть помещение, но она заметила, что испорченную мебель уже успели вынести и теперь здесь обитал лишь зловонный призрак пожара. Обуглившийся пол был вымазан сажей, но, похоже, уцелел. Зато стены сильно пострадали от пламени. Двери шкафов сгорели практически дотла, на расплавившихся петлях висели лишь несколько головешек. Оба оконных проема зияли черными дырами – стекла то ли лопнули от огня, то ли были разбиты пожарными – и были затянуты кусками прозрачной пластиковой пленки, пришпиленной к стенам. К счастью для других приютских детей, пламя не распространилось по сторонам, а пошло вверх и прожгло потолок. Над головой в полумраке чернели массивные балки чердака. Очевидно, пламя удалось вовремя сбить, не дав ему повредить крышу, поскольку неба Лора все-таки не увидела.

Она тяжело и шумно дышала, но не от усталости после трудной дороги от Касвелл-Холла до Макилроя, а потому что паника болезненно сжимала грудь, лишая возможности нормально вдохнуть. И каждый глоток горького дымного воздуха отдавал углем, вызывая тошноту.

Впервые услышав о пожаре в приюте Макилрой, Лора тут же догадалась о его причине, хотя и гнала от себя эту мысль. Тэмми Хинсен уже однажды застучали с банкой бензина для зажигалок и спичками, с помощью которых она собиралась себя поджечь. Узнав об этой попытке самосожжения, Лора сразу поняла, что намерения Тэмми были вполне серьезными, поскольку самосожжение стало бы идеальным видом самоубийства, а именно овеществлением пожиравшего ее внутреннего огня.

Прошу Тебя, Господи, сделай так, чтобы Тэмми в этот момент была в комнате одна!

Преодолевая рвотные позывы, вызванные вонью и мерзостью пожарища, Лора развернулась и вышла в коридор.

– Лора?

Подняв глаза, она увидела Ребекку Богнер. Дыхание вырывалось из груди Лоры судорожными толчками, но она каким-то чудом сумела прохрипеть:

– Рут... Тельма?

Мрачное лицо Ребекки лишало последних надежд на то, что близнецы не пострадали, однако Лора упрямо повторяла дорогие сердцу имена с надрывными просительными нотками в голосе.

– Вон там. – Ребекка ткнула пальцем в противоположный конец коридора. – Предпоследняя комната слева.

Окрыленная внезапной вспышкой надежды, Лора бросилась к указанной комнате. Три кровати оказались пустыми, а на четвертой при свете настольной лампы лежала лицом к стене какая-то девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.